

Іоаннъ Грозный.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Іоанна Грознаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедановъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Іюля 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ:

1. *Карамзинъ.* «Исторія Государства Россійскаго». Т. VIII и IX.
2. *Соловьевъ.* VI-ой томъ «Исторіи Россіи».
3. *Костомаровъ.* «Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ». Т. I.
4. Статьи:
    1) Погодина.
    2) Кавелина.
    3) К. Аксакова.
    4) Ю. Самарина.
    5) Н. К. Михайловскаго.
5. *Ключевскій.* «Боярская дума».
6. *Е. Бѣловъ.* «Дворянство на Руси».
7. *Бѣляевъ.* «Исторія крестьянъ».

I.

Московская традиція.—Дѣтство и юность Іоанна Грознаго.

«Геній—оригиналенъ. Въ оригинальности скрывается тайна его вліянія, его успѣховъ, его заслугъ передъ человѣчествомъ. Нѣтъ генія, который не развертывалъ-бы новаго знамени, нѣтъ геніальной дѣятельности, не указавшей новыхъ путей. Оригинальность и традиція — вотъ двѣ вѣчно борящіяся другъ съ другомъ силы, и различныя перипетіи этой борьбы составляютъ главнѣйшее содержаніе исторіи».

Я нарочно началъ этой цитатой біографію Іоанна Грознаго. Ниже изъ обзора литературы читатель увидитъ, какіе ожесточенные споры происходятъ еще о величіи и ничтожествѣ Грознаго, какъ личности и какъ государя. «Предшественникъ Петра Великаго, предвосхитившій планы преобразователя на цѣлыхъ сто пятьдесятъ лѣтъ» — таковъ Іоаннъ для однихъ. «Мелкая душа, подъяческій умъ»—таковъ Іоаннъ для другихъ. Гдѣ-же истина? Привыкшій къ робкимъ точкамъ зрѣнія, читатель навѣрное подумаетъ, что «истина въ срединѣ». — Средина — нѣчто спасительное, безопасное, вродѣ спокойной бухты, куда такъ пріятно въѣхать послѣ «бурнаго плаванія по волнамъ историческаго изслѣдованія». Мнѣ думается однако, что срединная точка зрѣнія мало приложима къ характеристикѣ Грознаго. Какъ бы не судили мы его, онъ несомнѣнно яркая и рѣзко-очерченная личность, которую очень трудно усадить сразу на двухъ стульяхъ. Но «яркость и рѣзкость» еще не означаютъ величія.

Чтобы быть великимъ, надо быть оригинальнымъ. Былъ-ли такимъ Грозный въ своей государственной дѣятельности?

Разумѣется, вся наша біографія должна служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но является возможность въ самомъ началѣ подготовить его разрѣшеніе. Для этого прежде всего необходимо опредѣлить *традиціи* московскаго государства, а затѣмъ уже самъ читатель легко увидитъ, какъ далеко отошелъ отъ нихъ Грозный и что новаго внесъ онъ въ жизнь.

Московская Русь сложилась и оформилась уже въ княженіе Ивана III. Сынъ его Василій мало прибавилъ къ дѣлу отца и, уничтоживъ вольность Пскова, онъ лишь завершилъ давно начатую и въ главномъ законченную уже борьбу съ вольностью вообще. Иванъ III и Василій—уже государи въ полномъ значеніи этого слова, самодержцы. Эпоха ихъ правленія создала и какъ нельзя яснѣе оформулировала устои московской Руси.

Намъ надо посмотрѣть на эти устои.

Первымъ, важнѣйшимъ устоемъ является великокняжеская власть, гордая, абсолютная, не знавшая никакихъ стѣсненій и ограниченій. Всѣ иностранцы въ одинъ голосъ утверждаютъ, что московскіе монархи превосходятъ своею властью всѣхъ правителей Европы, кромѣ только турецкаго султана. Возросши подъ охраной и даже прямо подъ покровительствомъ татарскихъ хановъ, великокняжеская власть сосредоточила постепенно въ себѣ весь ореолъ, всю безмѣрность власти ханской. Спачала скромная, какъ-бы скрывающаяся, она уже при Иванѣ III начинаетъ окружать себя придворнымъ блескомъ и этикетомъ. Это не мысль, это внѣшнее выраженіе закончившагося процессомъ развитія абсолютизма. Является обычай «цѣлованія княжеской руки», учреждаются придворныя должности, до той поры неизвѣстныя. Великій князь — центръ, глава и представитель всего государства, а не только своего удѣла, какъ раньше. Онъ дѣйствуетъ за всю Русь, отвѣчаетъ за ея счастье и несчастье, ведетъ народную жизнь по тому пути, который кажется ему наилучшимъ.

Удѣльные князья закончили свое самостоятельное существованіе уже при Иванѣ III. Та же участь постигла и Великій Новгородъ съ его вѣчемъ и духомъ народовластной старины. При Василіѣ отвезли въ Москву вѣчевой колоколъ Пскова.

Во что обратилась дружина? Собственно говоря, въ московскомъ государствѣ никакой выдающейся роли она не играла. Іоаннъ Калита и его потомки не были воителями, не любили войнъ и походовъ, храбростью и мужествомъ не отличались и держали себя скромно и тихо, какъ князья-помѣщики, князья-хозяева. Войнамъ они предпо-

читали дипломатическіе переговоры, покупку—иногда предательства. Ихъ заботой было сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше земель и денегъ.

Дружина возлѣ нихъ неминуемо должна была утерять свой воинственный характеръ, такъ какъ условія жизни не благопріятствовали развитію доблести и мужества. Но дружина, особенно старшая — боярство, не только воевала, раньше она играла еще роль княжескаго совѣтника. Эту роль она играла и въ Москвѣ. Но уже въ XV вѣкѣ князья значительно съузили ее. Иванъ III больше совѣтовался съ своей женой и дьяками, чѣмъ съ боярами; сынъ его выказывалъ къ совѣтамъ бояръ обидное пренебреженіе. При немъ дѣла рѣшались въ сторонѣ отъ думы.

Всѣ приведенные факты пріобрѣтутъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣнность, если мы припомнимъ, какъ медленно и постепенно проводились они въ жизнь. Принципы дома Калиты не поражаютъ насъ ни глубиной, ни шириной своего размаха, — а скорѣе даже узостью. Но въ концѣ концовъ они восторжествовали надъ всѣми остальными. Случайности исторіи много виноваты въ этомъ, но еще больше виноваты та настойчивость и упорство, съ какими московскіе князья стояли на своемъ, на ловкости, съ какой они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить свою власть и предѣлы.

Традиція крѣпла, а въ XV вѣкѣ торжествовала уже.

Иванъ Калита, его личность и политика — прототипъ московскихъ князей вплоть до самаго Грознаго. Ничего великаго, выдающагося, ничего блестящаго. Природа поскупилась на краски, создавая этого князя-хозяина и князя-помѣщика, скупого, медленнаго, хитраго, неуклонно стремящагося къ разъ поставленной цѣли. О невозможномъ онъ не мечталъ, какъ не мечталъ о геройскихъ подвигахъ и славѣ. Каждая копѣйка у него на счету. Разъ что пріобрѣтено имъ, пріобрѣтено на вѣки. Какъ настоящій практикъ, человѣкъ маленькой дѣйствительности, онъ пользуется всякой ошибкой ближняго, идетъ на униженія, когда это нужно, неумолимъ и непреклоненъ, разъ сила на его сторонѣ. Его борьба съ тверскимъ княземъ не только не говоритъ намъ о благородствѣ его души, а прямо наоборотъ. Зато дипломатической тонкости сколько угодно. Бѣдный Александръ и не замѣтилъ, какъ ловко разставили вокругъ него сѣти и какъ неожиданно и безъисходно попался онъ въ нихъ.

Всѣ московскіе Іоанны и Василіи похожи на своего предка. Въ общемъ и Грозный похожъ на него, но греческая и латинская кровь,

текшая въ его жилахъ, наградила его болѣе горячимъ и страстнымъ воображеніемъ.

Московская традиція носитъ на себѣ ясный отпечатокъ характера московскихъ князей. «Помѣстье» Калиты разрослось и стало государствомъ, но во главѣ государства встали тѣ же разсчетливые, скопидомные хозяева, которые раньше заправляли помѣстьемъ. Не станетъ же хозяинъ терпѣть, чтобы кто нибудь вмѣшивался въ его распоряженія. Не станетъ терпѣть этого и государь московскій. Когда это нужно, онъ пользуется и боярскимъ совѣтомъ, и симпатіями духовенства, но только *когда это нужно*. Вообще же онъ предпочитаетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно.

Полнота самостоятельности возможна лишь при всеобщемъ нивеллированіи, уравненіи.

Къ этому и сводится московская традиція.

Абсолютная власть при своемъ возникновеніи прежде всего должна была встрѣтить противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ элементовъ—удѣльныхъ князей, вѣча, дружинъ. Въ каждомъ монастырѣ былъ свой уставъ, освященный вѣками. Новый уставъ, вводившійся московскими князьями, далеко не всегда согласовался съ прежними. Припомнимъ хотя-бы борьбу съ Новгородомъ.

Московскіе князья, распространяя на всю Россію принципы, которыми управлялось ихъ маленькое помѣстье, по необходимости нивеллировали. Они старательно уничтожали всѣ мѣстные уставы, всѣ мѣстныя особенности. Для этого они пользовались между прочимъ однимъ характернымъ пріемомъ: переселеніемъ. Оттуда, гдѣ мѣстный духъ былъ особенно силенъ и упоренъ, они выводили десятки и сотни семействъ въ Москву, а москвичей перемѣщали на новыя мѣста. Москвичи — люди, уже привыкшіе къ дисциплинѣ, опасаться ихъ нечего, а переселенцы, находясь подъ постояннымъ хозяйскимъ глазомъ, одинаково не позволятъ себѣ чего нибудь лишняго.

Такимъ медленнымъ и вѣрнымъ путемъ были уничтожены всѣ мѣстные уставы. Вѣче исчезло, дружина обратилась въ придворныхъ слугъ, во всемъ зависѣвшихъ отъ личнаго расположенія князя. Самъ князь и его власть поднялись на недосягаемую высоту, и величіе этой власти бросалось въ глаза каждому, ибо вокругъ было *ровное поле*.

Іоаннъ III уже настойчиво выдвигаетъ на сцену «мизинныхъ людей». Василій III прямо предпочитаетъ ихъ боярамъ. Что же, они были демократами? По моему нисколько. Мизинные люди, во всемъ ему обязанные, во всемъ отъ него зависѣвшіе, безъ воспоминаній о прошломъ, всего лучше поддавались дисциплинѣ. Какихъ бы

то ни было протестовъ и претензій ждать отъ нихъ было нечего. Стремясь къ абсолютизму и сразу постигнувъ, что онъ можетъ восторжествовать лишь при отсутствіи большихъ и малыхъ, слабыхъ и сильныхъ,—московскіе князья ни одному сословію не давали подняться выше другого. Они боролись противъ всякой вольности—боярской, вольности духовенства, одной властью своей замѣняли всякую власть, единымъ закономъ—разнообразіе мѣстныхъ обычаевъ.

На ровномъ полѣ Руси высоко поднимался великокняжескій дворецъ уже задолго до Ивана IV-го.

Незамѣтно для самого Грознаго московская традиція руководила имъ. Но эта традиція, преломившись черезъ призму его больного мозга, приняла и болѣзненную форму. Молчаливая и покорная стояла дружина у трона его отца и дѣда, но Грозный продолжалъ преслѣдовать ее съ необузданной жестокостью. Давно уже палъ Великій Новгородъ. Грозный захотѣлъ стереть его съ лица земли.

Онъ добился своего. Всю жизнь, всѣ свои силы потратилъ онъ на то, чтобы доставить полное торжество московской традиціи. Гдѣ же новые мѣхи, новое вино? Ихъ нѣтъ. Тѣни прежнихъ московскихъ князей носятся надъ эпохой Грознаго, вдохновляютъ его, указываютъ путь, по которому онъ идетъ слѣпо, не спрашивая даже себя, да нужно ли съ такимъ ожесточеніемъ ломиться въ давно уже открытую дверь?

Боярство—мой врагъ. Это его излюбленная фраза. Но съ одинаковымъ ожесточеніемъ набрасывается онъ и на народъ, и на духовенство, разъ замѣчаетъ или разъ ему кажется, что онъ замѣчаетъ въ нихъ попытку приподнять свою голову съ ровнаго поля, давно уже усѣяннаго мертвыми костьми прежнихъ вольностей.

Всякая вольность—врагъ мой... Боярство—мой врагъ по преимуществу. Это спеціальное добавленіе Грознаго, сдѣланное имъ по воспоминаніямъ дѣтства.

Это дѣтство общеизвѣстно, и я не имѣю ни малѣйшаго желанія подробно останавливаться на немъ.

Грозному было нѣсколько мѣсяцевъ, когда умеръ его отецъ, и съ небольшимъ три года, когда умерла или была отравлена его мать—Елена Глинская, супруга Василія III-го. Ребенокъ остался безъ надзора и руководительства. Все дѣлалось его именемъ, все *могло* дѣлаться его именемъ. Это было соблазнительно для честолюбцевъ. И честолюбіе открытое, наглое, безудержное разыгралось вокругъ

трона, по блеску и обаянію власти своей равнаго лишь трону восточныхъ деспотовъ.

Послѣ переворота, низвергшаго Елену и ея любимца Телепнева, власть перешла въ руки Василія Шуйскаго. Ослѣпленный гордостью, онъ хотѣлъ утвердить себя на высшей ступени свойствомъ съ Государемъ и, будучи вдовцомъ лѣтъ 50-ти, женился на сестрѣ Іоанновой. Анастасіи, дочери Петра, казанскаго царевича. Иванъ Бѣльскій попробовалъ свергнуть его, но неудачно, и отъ тираніи Шуйскаго спасла Россію лишь смерть его. Его мѣсто занялъ тоже Шуйскій, но Иванъ, про котораго самъ Грозный пишетъ впослѣдствіи Курбскому:

«Отъ юности единое воспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а К. Ив. Вас. Шуйской сѣдитъ на лавѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ къ намъ... И таковой гордыни кто может понести?... А казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша, и въ той нашей казнѣ исковаша себѣ сосуди златы и сребрены, и имена на нихъ родителей своихъ подписаша: а всѣмъ людемъ вѣдомо, при матери нашей у Князя Ив. Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи: коли бы то ихъ было старина, ино лучше бы шуба перемѣнити».

Иванъ Шуйскій былъ грубъ, спѣсивъ, деспотъ. Корыстолюбіе его несомнѣнно, съ государственной и царской казной онъ не стѣснялся, еще меньше стѣснялись его клевреты. Такъ, бояринъ А. М. Шуйскій и князь Оболенскій, будучи намѣстниками въ Псковѣ, свирѣпствовали *какъ львы*, по выраженію современниковъ; не только угнетали земледѣльцевъ и гражданъ беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли правыхъ доносителей—но и грабили самые монастыри. Жители пригородовъ не смѣли ѣздить въ Псковъ; многіе бѣжали въ чужія земли.

Партія Шуйскихъ была свергнута партіей Бѣльскихъ, но ненадолго однако, до слѣдующаго заговора. А онъ себя ждать не заставилъ. Иванъ Шуйскій опять захватилъ власть въ свои руки.

Такова фактическая сторона дѣла вплоть до 1543 года, когда Грозному исполнилось уже 13 лѣтъ.

Что дѣлалъ Грозный все это время? Быть можетъ, исторія и освѣтитъ когда нибудь юношескіе годы его царствованія, намъ же остается лишь догадываться, опираясь на немногіе, къ счастью несомнѣнные факты.

Грозный рано сталъ пристально всматриваться въ окружающее и понимать его. Многіе факты этихъ дѣтскихъ лѣтъ навѣки запали въ его душу и ничто не могло искоренить ихъ оттуда. Черезъ 20 лѣтъ

онъ вспоминаетъ наглость Шуйскаго, развалившагося на кровати отца. Очевидно эта наглость глубоко обидѣла его. Не было недостатка и въ окружающихъ, которые постоянно нашептывали Іоанну про величіе власти его, про ея униженіе. Эти нашептыванія падали на подготовленную почву. Наслѣдственное властолюбіе проявлялось уже и въ ребенкѣ: его быстрый, дѣятельный умъ прекрасно подмѣчалъ тѣ противорѣчія, которыми такъ богато его дѣтство. Все дѣлается его именемъ, всѣ выказываютъ полную покорность ему, а между тѣмъ самъ онъ лично ничего не знаетъ. Это мучило и обижало его. Онъ читалъ книги, гдѣ говорилось о величіи царской власти, читалъ запоемъ, страстно выискивая въ нихъ аргументы въ защиту своихъ правъ. Онъ находилъ эти аргументы и въ книгахъ, и въ рѣчахъ такихъ царедворцевъ, какъ Бѣльскій.

До поры до времени онъ по необходимости долженъ былъ молчать и смиряться. Обстоятельства были противъ него и на сторонѣ Шуйскихъ. Заговоръ Бѣльскаго не удался: человѣкъ, котораго онъ считалъ своимъ другомъ, опять очутился въ темницѣ.

Шуйскіе торжествовали въ Москвѣ, гдѣ у нихъ была большая партія, въ провинціи, которой они управляли черезъ своихъ клевретовъ. Ихъ торжество было, повторяю, спѣсивымъ и наглымъ, безконечно оскорбительнымъ для тщеславной натуры Ивана.

Знаменитая формула: «бояре—мои враги по преимуществу» не могла не сложиться въ этой странной обстановкѣ.

Мнѣ думается, что у насъ нѣтъ основанія совершенно отрицать политическія претензіи бояръ, но эти претензіи скрывались скорѣе въ отдѣльныхъ честолюбивыхъ личностяхъ, чѣмъ въ классѣ. Сущность всѣхъ только что разсказанныхъ перипетій очень недурно выражается поговоркой: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ». Такими капралами были то Шуйскіе, то Бѣльскій, смотря по удачѣ, и каждый изъ нихъ, взявши палку, немедленно же разыгрывалъ изъ себя самодержца, продолжая этимъ самымъ традицію московскаго абсолютизма. Но мы не знаемъ ни одной попытки закрѣпить за жизнью боярскія политическія претензіи и создать для нихъ устои въ новыхъ формахъ государственной жизни. Есть смутное извѣстіе, будто извѣстная часть боярства имѣла политическую программу и мечтала править Русью вмѣстѣ съ царемъ, совѣщаясь въ то же время со «всенародными человѣками», т. е. выборными всей земли. Извѣстіе это однако настолько смутно, что положиться на него нельзя. Оставивъ же его въ сторонѣ, мы увидимъ, что боярства, какъ класса, не было; передъ нами служилое сословіе, а не аристократія, отдѣльныя

честолюбивыя личности, а не предводители партій. Эти честолюбцы были проникнуты родовыми, а не сословными симпатіями и, добившись власти, немедленно выдвигали на сцену всю жадную компанію своихъ родичей, награждая ихъ доходными мѣстами и т. д. По одушевлявшему ее узко-эгоистическому принципу эпоха боярскаго правленія не могла внести въ жизнь Россіи ни одного новаго элемента, и, достигши совершеннолѣтія, Іоаннъ увидѣлъ передъ собою ту же прежнюю Русь, созданную отцомъ его и дѣдомъ, разграбленную и истощенную, но готовую безпрекословно идти, куда ей будетъ указано свыше.

Въ 1543 году наглость Шуйскихъ достигла своего предѣла. Ненавидя новаго любимца Іоаннова — князя Воронцова, они въ одинъ несчастный для нихъ день дерзко ворвались въ покои Государя, набросились на Воронцова, выволокли его въ другую комнату, били, мучили и хотѣли даже умертвить. Царь просилъ митрополита спасти любимца, и Шуйскіе согласились *изъ милости* оставить ему жизнь, но все же отправили его въ ссылку. Изображая наглость вельможъ, лѣтописецъ разсказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ Ѳома Головинъ въ спорѣ съ митрополитомъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее въ знакъ презрѣнія. Но всѣ эти безобразія и дѣлали развязку близкой. Іоанну исполнилось уже тринадцать лѣтъ, въ немъ говорила уже гордость, сознаніе собственнаго достоинства и величія. Шуйскіе на свою голову пріучили его къ полной невоздержности и поощряли всѣ дурныя проявленія наслѣдственности. Въ тринадцати-лѣтнемъ Іоаннѣ уже сказывался будущій Грозный, въ меньшемъ масштабѣ, разумѣется. Напр., любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ звѣрей, но и мучилъ домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю. А бояре говорили: «пусть Державный тѣшится». Окруживъ «державнаго» толпою сверстниковъ, они смѣялись, когда онъ скакалъ по улицамъ и давилъ прохожихъ, испуская дикіе крики. Бояре хвалили въ немъ смѣлость и мужество, проворство. Поупражнявшись такимъ образомъ, Іоаннъ, подчиняясь совѣтамъ родственниковъ своихъ по матери Глинскихъ, толковавшихъ ему, что онъ — царь, а Шуйскіе — узурпаторы, наконецъ проявилъ свой гнѣвъ и свою самостоятельность. Неожиданно послѣ рождественскихъ праздниковъ 1543 года созвалъ онъ къ себѣ бояръ и впервые явился передъ ними «повелительнымъ, грознымъ». Съ твердостью объявилъ онъ имъ, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей и грабятъ землю, что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ лишь главаря и зачинщика—

князя Андрея Шуйскаго. Его взяли и предали въ жертву псамъ, которые тутъ же на улицѣ и истерзали его. «Съ того времени бояре начали имѣть страхъ отъ государя»; во главѣ же правленія стали Глинскіе, отчего положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось къ лучшему.

Прежде всего разумѣется расправились съ Шуйскими и со всѣми, кто былъ преданъ имъ или пользовался ихъ расположеніемъ. Преслѣдуя враговъ своихъ, Глинскіе выказали большую жестокость и ни малѣйшаго государственнаго смысла. Царь же попрежнему предавался своимъ развлеченіямъ, среди которыхъ не по днямъ, а по часамъ расли его необузданность и жестокость. Глинскіе не только не удерживали его, но и поощряли всякое проявленія разврата и злой воли. Юноша-царь не признавалъ состраданія и милости, и въ эти годы онъ является передъ нами порывистымъ и гнѣвнымъ, неспособнымъ сдерживать себя ни на іоту, развѣ изъ страха. Однажды онъ, выѣхавъ по обыкновенію на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью новгородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какую-то жалобу. Іоаннъ не слушалъ ихъ, а велѣлъ дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы противились, началась битва, которая и послужила достаточнымъ основаніемъ для разслѣдованія примерещившагося царю заговора. Послѣдовали пытки и казни. Еще характеренъ слѣдующій эпизодъ, относящійся правда къ позднѣйшему времени. Изъ него видно, какъ занимался царь дѣлами.

Граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ (весною въ 1547 году), жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ: кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы: велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большого колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу и бѣдные Псковитяне остались живы».

Но мы нарушили хронологическую послѣдовательность разсказа. Намъ надо вернуться назадъ и разсказать объ одномъ изъ крупныхъ событій XVI-го вѣка — вѣнчаніи Іоанна на царство. Кому принадлежала иниціатива въ этомъ дѣлѣ? Едва-ли духовенству, едва-ли боярамъ, хотя быть можетъ духовенство, пропитанное своими византійскими взглядами, и причастно нѣсколько къ этому. Никто однако не мѣшаетъ намъ допустить, что главнымъ иниціаторомъ въ этомъ случаѣ былъ самъ Іоаннъ. Онъ любилъ парады, пышность, торжественность, любилъ показывать

себя многочисленной толпѣ, всякій блескъ привлекалъ его. Въ прочитанныхъ имъ книгахъ онъ навѣрное не разъ встрѣчалъ описанія царскихъ и императорскихъ вѣнчаній. Они льстили его тщеславію. Онъ задумалъ устроить то же самое и у себя въ Москвѣ. Мало того, проникнутый мыслью о собственномъ величіи, причемъ его пылкое воображеніе рисовало ему полученную имъ власть самыми неумѣренными красками, онъ въ громкомъ титулѣ царя искалъ внѣшняго выраженія своихъ претензій. Какъ бы то ни было, 17 декабря 1546 г. было приказано собраться двору. Митрополитъ, бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ:

«Уповая на милость Божію и на святыхъ заступниковъ земли русской, имѣю намѣреніе жениться: ты, отче (митрополитъ), благослови меня. Первою моею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ Царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ-ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и по твоему благословенію». Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца небеснаго». Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей женитьбы исполнить древній обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на Царство*».

16-го января новаго года съ особой торжественностью совершилось царское вѣнчаніе, а черезъ мѣсяцъ Іоаннъ женился на Анастасіи.

—

Пословица русская утверждаетъ: «женится—перемѣнится». Съ Іоанномъ этого однако не случилось. Казалось, все должно-бы настраивать его на добродушный ладъ, и внѣшніе успѣхи, и привязанность къ молодой красавицѣ-женѣ, и только что совершившееся пышное вѣнчаніе, по поводу котораго такъ много и искренно ликовалъ народъ. Но обычная психологія тутъ не приложима. Женатый царь велъ прежній холостой образъ жизни. Предоставивъ правленіе Глинскимъ, онъ лишь изрѣдка вмѣшивался въ государственныя дѣла, предпочитая имъ охоту, игры, поѣздки по монастырямъ и свои буйныя забавы. Глинскіе дѣлали, что хотѣли, а Іоаннъ только любилъ показывать себя царемъ почти исключительно въ наказаніяхъ и необузданности прихотей. Онъ *игралъ* милостями и опалами, своевольствовалъ, чтобы доказать свою независимость. Доступъ къ нему былъ труденъ, почти невозможенъ. Онъ не желалъ выслушивать жалобъ, гнѣвался и приходилъ въ дикую ярость, когда его отрывали

отъ развлеченій, пыталъ и казнилъ тѣхъ, кто осмѣливался говорить ему правду. Намѣстники и воеводы, клевреты Глинскихъ, грабили и разоряли ввѣренныя имъ въ управленіе области. Негдѣ было найти суда и правды, а «державный» въ это время забавлялся во дворцѣ съ шутами и скоморохами и слушалъ, какъ льстецы восхваляютъ его мудрость.

Замѣчу мимоходомъ, какъ напрасно и неосновательно преувеличиваютъ историки вліяніе на Грознаго царицы Анастасіи. Вѣдь она была возлѣ него и до появленія Сильвестра и Адашева, однако даже въ медовый мѣсяцъ не могла удержать мужа хотя бы отъ разврата.

Будущее не предвѣщало ничего хорошаго, если бы не нѣкоторыя неожиданныя обстоятельства, совершенно измѣнившія ходъ событій.

—

II.

Перемѣна въ Іоаннѣ. — Сильвестръ и Адашевъ. — Счастливые 13 лѣтъ царствованія Іоанна IV.

Для исправленія Іоаннова, пишетъ Карамзинъ, надлежало сгорѣть Москвѣ. Москва дѣйствительно сгорѣла, но Іоаннъ, какъ мы увидимъ ниже, не исправился. За то съ нимъ случилось нѣчто другое, еще болѣе странное.

12 апрѣля 1547 года начался знаменитый московскій пожаръ. То пріостанавливаясь, то возрождаясь съ еще большей силой, онъ длился болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Особенно памятенъ день 24-го іюня. Огонь лился рѣкою и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай-городъ, Большой посадъ. Вся Москва представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густого дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло, какъ въ горнилѣ. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени были заглушаемы взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и другихъ частяхъ города. Отъ удушья дымомъ едва не погибъ митрополитъ, молившійся въ храмѣ Успенія. Бѣдствіе было настолько велико, что смиренный лѣтописецъ восклицаетъ: «счастливъ, кто, умиляясь душою, могъ плакать и смотрѣть на небо!» Больше помощи ждать было неоткуда. Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево какъ бы для того, чтобы не видать и не слыхать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить кремлевскій дворецъ; богатые также строились; о бѣдныхъ не думали. Это вызвало злобу изстрадавшагося народа, «почерпавшаго силу отчаянія и ненависти при взглядѣ на обугленныя

развалины домовъ». Враги Глинскихъ, воспользовавшись этимъ, составили заговоръ, а ожесточенный народъ охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Была распущена басня о томъ, что княгиня Анна Глинская «вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала ихъ въ воду и кропила всѣ улицы Москвы». Это и толковалось какъ причина пожара. Умные люди, не вѣрившіе въ басню, молчали: ненависть къ Глинскимъ была настолько велика и всеобща, что въ ихъ защиту не нашлось ни одного голоса въ эту критическую минуту. Глинскій, дядя царя, былъ убитъ въ церкви, народъ искалъ другихъ жертвъ, а царь, малодушный и испуганный, сидѣлъ въ воробьевскомъ дворцѣ, не зная, что дѣлать.

Въ это ужасное время, разсказываетъ Курбскій, держась психологической, а не исторической истины, явился во дворецъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода, приблизился къ Іоанну съ поднятымъ угрожающимъ перстомъ и возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ головою Царя, легкомысленнаго и злострастнаго. «И аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему, не вѣйдите истинныя или токмо ужасновенія передающе ради буйства, но и дѣтскихъ неистовыхъ нравовъ умыслилъ было себѣ сіе, яко многожде и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхами». Мы знаемъ теперь, что первое появленіе Сильвестра относится не къ 1547, а къ 1541, но все же психологическая правда соблюдена въ разсказѣ Курбскаго. Въ знаменательный и страшный день, когда «не было правительства», а царь, растерявшись, не зналъ, что предпринять, Сильвестръ могъ принять на себя роль древняго пророка, посланца Божія, и ужаснуть царя, истолковавши, что пожаръ московскій—наказаніе за его грѣхи и распутство. Какъ бы то ни было, на цѣлыхъ 6—7 лѣтъ Сильвестру удалось овладѣть умомъ и воображеніемъ Іоанна, дѣйствуя на него *страхомъ*. Въ отношеніи къ Іоанну онъ былъ *магнетизеромъ*,—гипнотизеромъ, сказали-бы мы. Ему удалось внушить царю ту мысль, что одинъ онъ слабъ и безпомощенъ и что, лишь слушая благіе совѣты, можетъ онъ разсчитывать на долголѣтнее и безпечальное царствованіе. Дѣйствовалъ ли Сильвестръ самъ отъ себя или, какъ выражается г. Михайловскій, онъ былъ лишь точкой приложенія коллективной силы—силы «избранной рады»—мы не знаемъ. Но это безразлично: во всей опредѣленности выступаетъ передъ нами тотъ лишь фактъ, что Іоаннъ дѣйствительно подчинился Сильвестру и что страхъ, мистическій даже страхъ, внушаемый царю, игралъ тутъ большую, быть можетъ даже первенствующую роль...

Эпизодъ удивительный!.. чудо, какъ выражается Карамзинъ, и что другое онъ могъ сказать въ 20-хъ годахъ? Едва-ли и современная психологія возьмется разъяснить это «чудо» во всѣхъ его подробностяхъ, но самый фактъ возможности подчиненія слабовольнаго человѣка сильному волею и убѣжденіемъ она согласится признать какъ естественный и часто повторяющійся. Главное, замѣтимъ, что Іоаннъ растерялся, утерялъ совѣтниковъ своихъ Глинскихъ, и почва для новой ферулы была расчищена. А ферула была нужна ему, и онъ охотно подчинялся ей, пока не *замѣчалъ*. Позволю себѣ по этому поводу небольшое отступленіе въ область психологіи: «слабая воля инстинктивно ищетъ руководительства, боясь отвѣтственности за поступки свои и тяготясь этой отвѣтственностью. Она соглашается подчиняться другой, болѣе сильной, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно протестуетъ противъ этого подчиненія. Тщеславіе и претензія на полную самостоятельность являются неотъемлемыми признаками слабоволія. Оттого-то всегда имъ легче управлять *физіологически*, чѣмъ *психологически*, т. е. путемъ *внушенія*, но не *убѣжденія*. Нуженъ, словомъ, элементъ незамѣтнаго для объекта вліянія; иначе тщеславіе немедленно возмутится и, какъ чувство наиболѣе близкое къ рефлексу, проявится въ какой-нибудь рѣзкой вспышкѣ, тѣмъ болѣе рѣзкой, чѣмъ сильнѣе была предшествующая кабала. Мы знаемъ, что загипнотизированный субъектъ всегда *боится* того, кто загипнотизировалъ его, и всегда *борется* съ нимъ, даже *ненавидитъ*, но подчиняется. Гипнотизеръ внушаетъ *страхъ* и въ этомъ страхѣ его сила». Мы сейчасъ увидимъ, какъ это психологическое соображеніе подходитъ къ характеру отношеній Грознаго и Сильвестра. Разница будетъ лишь въ *степени*, но степень сама по себѣ вещь второстепенная.

Благодаря вмѣшательству Сильвестра и близкихъ ему, порядокъ былъ скоро возстановленъ. Народъ успокоился, Грозный какъ-бы переродился. «Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ, о чемъ наканунѣ, онъ и не думалъ совсѣмъ. Были приняты мѣры, чтобы никто не остался безъ крова и хлѣба. Виновники бунта наказаны не были; самъ царь, «умиленный», чтобы торжественно утвердить перемѣну въ Правленіи, уединился на нѣсколько дней для поста и молитвы. Онъ созвалъ святителей, каялся въ грѣхахъ своихъ и, успокоенный духовенствомъ въ дѣлахъ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ. Мало того: было приказано, чтобы со всѣхъ городовъ Россіи прислали въ Москву людей выборныхъ, всякаго чина и собранія для важнаго дѣла государственнаго.»

Они собралися — и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ: «Святый Владыко! знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; *моимъ именемъ* похитили саны и чести, богатѣли неправдою тѣснили народъ — и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ сея крови! А вы ждите суда Небеснаго!»... Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: «Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію Христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ». — Въ тотъ-же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: «Алексій! ты не знатенъ и не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззаконствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно испытывай и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія».

Жизнь двора рѣзко перемѣнилась. Замолкли шуты и льстецы. Опираясь на избранную раду и подчиняясь ей, Іоаннъ водворялъ порядокъ въ своемъ царствѣ. Опять мы не знаемъ, изъ кого собственно состояла избранная рада; довѣряясь-же Курбскому, можемъ сказать, что во главѣ ея стояли Сильвестръ и Адашевъ, принявшіе въ свой союзъ не только митрополита, но и много другихъ мужей опытныхъ и добродѣтельныхъ. Избранная рада вѣроятно и управляла государствомъ. Почему-же не самъ Іоаннъ?

Прежде всего спросимъ себя, гдѣ могъ онъ научиться дѣламъ правленія? Ему было только 17 лѣтъ, и раньше государственными дѣлами онъ никогда не занимался. Почему было знать ему, что тамъ-то худо, тамъ-то слѣдуетъ исправить? Когда, по старо-русской привычкѣ въ предшествующій періодъ, къ нему явились съ жалобами и просьбами, онъ сердился, выходилъ изъ себя и страшно наказывалъ дерзновенныхъ, осмѣлившихся обращаться къ нему лично. Допустить, что онъ вдругъ, по наитію, постигъ всѣ тайны управленія государствомъ, — дѣло мудреное и маловѣроятное, тѣмъ болѣе, что и впослѣдствіи Іоаннъ

особой прозорливостью не отличался, а дѣйствовалъ наугадъ; нельзя одинаково приписывать слишкомъ большую роль и Анастасіи. Имя ея Карамзинъ постоянно украшаетъ эпитетомъ добродѣтельной. Но между добродѣтелью личной, выражавшейся въ томъ, что царица раздавала милостыню, разъѣзжала по монастырямъ и усердно молилась мощамъ и святителямъ, и добродѣтелью государственной, какъ заботѣ о благѣ общемъ, какъ защитѣ интересовъ меньшаго и униженнаго—разница не малая. Предположить въ московской боярышнѣ государственную мудрость—значитъ сдѣлать вещь очень рискованную. Самое-же важное то, что до появленія на сцену Сильвестра и избранной рады Анастасія ровно никакой роли не играла. Ни ея благочестіе, ни ея добродѣтель не оказывали на Грознаго ни малѣйшаго вліянія, и началось-то оно вмѣстѣ съ вліяніемъ избранной рады. Это слишкомъ существенный фактъ, чтобы упускать его изъ виду.

Поэтому, не опасаясь крупной исторической ошибки, можемъ сказать, что тринадцать лѣтъ царствованія Іоанна (1547—1560) носятъ лишь имя его.

Что же сдѣлала избранная рада?

Отмѣчаю кротость правленія, миръ и любовь среди царскаго семейства. Женивъ брата своего Юрія, царь избралъ супругу и для Владиміра Старицкаго; жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему, въ государственныхъ дѣлахъ писалъ: «Мы уложили съ братьями и *боярами*». Въ 1550 г. вышелъ «Судебникъ», вторая «Русская Правда», вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ. Но особенно характерно обузданіе мѣстничества. Мы знаемъ, что во вторую половину своего царствованія Іоаннъ не только не обуздывалъ мѣстничества, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, такъ противорѣчившимъ его обычной раздражительности, разбирался въ мѣстническихъ спорахъ и дрязгахъ своихъ слугъ, какъ бы даже покровительствуя и питая вниманіемъ своимъ эти споры и дрязги. Но подчиняясь радѣ, Государь запретилъ дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ считаться родомъ съ воеводами, ввелъ и другія ограниченія, прокладывая такимъ образомъ дорогу великой, хотя и единственной реформѣ, сына своего Ѳеодора, совершенно упразднившаго мѣстничество. Въ 1551 г. обратили вниманіе и на дѣла духовныя.

«Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и 23 Февраля дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники перво-

степенные сидѣли въ молчаніи, устремивъ взоръ на Царя-юношу, который говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царства отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *овдовѣвшею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной, упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. Тогда— сказалъ онъ — ужаснулась душа моя и кости во мнѣ затрепетали; духъ мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго наставленія, Пастыри Христіанъ, учители Царей и Вельможъ, достойные Святители Церкви! Не щадите меня въ преступленіяхъ: смѣло упрекайте мою слабость; гремите Словомъ Божіимъ, да жива будетъ душа моя». Далѣе, Царь предложилъ Святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать Старостъ и Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ; а Сотскіе и Пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, должествовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ. Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

«Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить *соблазнъ* въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія Отцевъ Собора, который назвали *Стоглавымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ. Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій оного было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Запретили затѣмъ тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго, ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли-бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ».

Были попытки «просвѣтить Русь» западнымъ образованіемъ; хотѣли вывезти изъ Европы ремесленниковъ, художниковъ, аптекарей, типографовъ, даже богослововъ. Отчасти исполнился и этотъ планъ.

Но главное событіе—это походъ на Казань. Казань къ этому времени, какъ и другія татарскія ханства, обратилась въ настоящее разбойничье гнѣздо, постоянно тревожившее Русь своими набѣгами.

Побѣды надъ разбойничьими шайками и отрядами мало помогли дѣлу: надо было искоренить зло въ самомъ корнѣ. Не буду разсказывать подробно всей исторіи завоеванія Казани: несомнѣнно, что велось дѣло тонко и проницательно. Вмѣшательство во внутреннія смуты казанцевъ, основаніе Свіяжска, благовременность выбраннаго для рѣшительнаго нападенія момента—все говоритъ намъ объ участіи въ правленіи людей опытныхъ и осторожныхъ. Перехожу прямо къ рѣшительному моменту, потому что описаніе его ясно покажетъ, какъ мало значила личная воля Іоанна и какъ многое совершалось даже на перекоръ ей. Несомнѣнно прежде всего, что Царь самъ не хотѣлъ встать во главѣ войска и покинуть Анастасію, беременную въ первый разъ, въ Москвѣ. Онъ самъ говоритъ, что его принудили, и 16-го іюня государь простился съ супругою, а 3-го іюля все войско двинулось изъ Коломны. Надо замѣтить, что Царь проявлялъ большую дѣятельность, постоянно говорилъ рѣчи, умиротворялъ безпокойный духъ войска и т. д. 19-го августа русскіе увидѣли передъ собою Казань и стали въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые «подобно зеленому лугу» разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными палатами и дворцомъ. При самой осадѣ никакого геройства Іоаннъ не выказалъ — единственный фактъ, любопытный для насъ во всей этой исторіи. Напротивъ даже, онъ проявлялъ малодушіе, и позднѣйшія его письма доказываютъ, какъ непріятно было ему пребываніе подъ Казанью и какъ глубоко засѣло въ душѣ его это непріятное чувство, но онъ на время какъ бы отрѣшился отъ себя и дѣйствовалъ по чужимъ указаніямъ.

Любопытенъ маленькій эпизодъ, передаваемый Курбскимъ и относящійся къ послѣднему моменту взятія осажденнаго города:

«...Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались чрезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. Съ нимъ были великіе *Синклиты*, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ: они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей».

За то во всѣхъ парадныхъ и торжественныхъ случаяхъ Іоаннъ держалъ себя съ полнымъ сознаніемъ царскаго достоинства, выказывая въ то же время особую почтительность къ церкви и религіи:

«Въ то-же время проявлялъ онъ кротость къ плѣннымъ и побѣжденнымъ. По взятіи города, Князь Палецкій представилъ ему Едигера; безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Несчастный! развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства Казанцевъ?» Едигеръ, ободренный тихостію Государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости. Іоаннъ простилъ его, и съ любовію обнялъ брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея, Вельможъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ*; велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Мураклевыхъ ко Двору Царскому и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани; увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: «Избавитель! ты вывелъ насъ изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго: ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ.»

Послѣ взятія Казани Іоаннъ, слѣдуя совѣтамъ братьевъ царицы, поспѣшилъ отправиться въ Москву. Отмѣчаю этотъ фактъ потому, что въ немъ впервые проявилось столкновеніе Іоанна съ избранной радой или мудрѣйшими, какъ выражается Курбскій. Эти послѣдніе хотѣли замедлить отъѣздъ царя, но онъ поступилъ наперекоръ имъ и даже самолично отправилъ конницу назадъ въ Москву по такой скверной дорогѣ, что большая часть ея погибла въ пути. Успѣхъ вскружилъ голову Іоанну, и онъ сталъ понемногу возвращать себѣ прежнюю самостоятельность. На самомъ дѣлѣ торжество его было велико и счастье во всемъ шло ему навстрѣчу. Казань была взята, родился сынъ наслѣдникъ, москвичи устроили торжественную и сердечную встрѣчу:

Приближаясь къ любезной ему столицѣ, царь увидѣлъ на берегу Яузы безчисленное множество народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны, а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: «многая лѣта, Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!»

Больше даже:

«Вся Россія была въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя; отовсюду спѣшили усердные подданные видѣть лицо Іоанна; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, усиліяхъ, хитростяхъ осады, о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ Россіянъ, и

возвышался сердцемъ, повторяя: «мы завоевали Царство! что скажутъ въ свѣтѣ?

Интересный психологическій феноменъ о вліяніи Сильвестра и рады на Грознаго заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія: первая эффектная сцена встрѣчи Сильвестра съ царемъ являлась какъ-бы программой дальнѣйшаго. Курбскій говоритъ объ «ужасаніи», самъ Іоаннъ сознается, что его захватили врасплохъ въ минуту страха, навѣяннаго пожаромъ. Въ рѣчи 1551, обращаясь къ духовенству, онъ говоритъ: «отъ сего убо (т. е. пожара) вниде страхъ въ душу мою и припадохъ къ твоему (митрополита) первосвятительству и ко всѣмъ еже съ тобою Святителямъ, съ истиннымъ покаяніемъ прося прощенія еже зло содѣяхъ». Воспользовавшись этимъ первымъ удобнымъ моментомъ, избранная среда, дѣйствуя черезъ посредство Сильвестра, а можетъ быть и Адашева, какъ лица приближеннаго, распоряжалась въ дальнѣйшемъ очень умно. Она постаралась забрать Іоанна исключительно въ свои руки, тщательно оберегая его отъ всякаго посторонняго, нежелательнаго для нихъ, вліянія. Въ доказательство этого можно привести извѣстный эпизодъ изъ поѣздки Іоанна по монастырямъ уже послѣ возвращенія въ Москву изъ-подъ Казани. Привожу документальный разсказъ Карамзина:

«Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ. Царь посѣтилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его путешествіи. «Государь! — сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: — пристойно-ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ Небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло Царское!» Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичъ Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и

возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ.—По важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго, *Кирилловскаго ѣзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя: говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо. «Если хочешь быть истиннымъ Самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться; повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій Государя неминуемо овладѣетъ имъ». Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!*»

Рада прекрасно знала, какой совѣтъ могъ дать бывшій епископъ Вассіанъ, этотъ безусловный защитникъ абсолютной свѣтской власти, и какъ, мы видимъ, употребила всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы предотвратить встрѣчу. Убѣжденіе не подѣйствовало, прибѣгли къ угрозамъ и пророчеству. Въ роли пророка выступаетъ Максимъ Грекъ, все равно какъ въ воробьевскомъ дворцѣ выступалъ Сильвестръ. Хотѣли подѣйствовать на суевѣріе Іоанна и возбудить въ немъ страхъ, предсказывая смерть единственнаго сына наслѣдника. Но теперь уже эти мѣры не удавались, какъ раньше: Царь и такъ сознавалъ зависимость свою.

Но долгое время его держали въ полномъ повиновеніи, унизительномъ даже для взрослаго человѣка. Сильвестръ вмѣшивался во всѣ мелочи царскаго обихода, въ супружескія отношенія и пр. Быть можетъ, только при постоянной и строгой дисциплинѣ можно было сдерживать необузданную натуру Іоанна. Объ этой строгой дисциплинѣ одинаково говорятъ намъ и Курбскій, и самъ царь:

«Повелѣвающе тебѣ, —пишетъ Курбскій о Сильвестрѣ Іоанну, — въ *мѣру* ясти и пити и со Царицею жити». Любопытно и самоличное признаніе Царя. Онъ говоритъ:

«Ради спасенія души моей»—пишетъ Царь—приближилъ я къ себѣ Іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять Царствомъ безъ *Царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ Бояръ; раздали единомышленникамъ города и волости;*

сажали, кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ Царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздить по святымъ Обителямъ, не дозволяютъ карать Нѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ иного Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? Новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили Царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали Князю Владиміру Андреевичу. И такъ удивительно ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, возложенное на Царство лукавымъ Попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?» и проч.

«Намъ-же, какъ младенцамъ пребывающимъ», говоритъ Іоаннъ о своемъ дѣтствѣ. Дѣло очевидно доходило до полнаго и мелочнаго даже контроля надъ каждымъ шагомъ Царя. Ему не позволяли разъѣзжать по монастырямъ, до чего онъ былъ большой охотникъ, не позволяли лечиться безъ нужды, требовали, чтобъ онъ ѣлъ и пилъ въ мѣру. Свою покорность Іоаннъ объясняетъ впослѣдствіи: «младенческимъ разумомъ своимъ» и прибавляетъ, что его постоянно *пугали*. «Не считай меня больше,—пишетъ онъ Курбскому,—младенцемъ по разуму, какъ выставляли меня Сильвестръ и Адашевъ, и не думай, что можно устранить меня дѣтскими страхами, какъ прежде». Образчикъ этихъ «дѣтскихъ страховъ» мы уже видѣли, передавая угрозу Максима Грека.

Если-же самъ Іоаннъ такъ откровенно говоритъ о своемъ полномъ подчиненіи Сильвестру и Адашеву и даже логически разъясняетъ это, указывая на «дѣтскія страшилы», — то намъ-то зачѣмъ оспаривать это и защищать его самостоятельность?

Успѣхъ подъ Казанью вскружилъ Іоанну голову, и, опираясь на него, онъ сталъ постепенно освобождаться отъ зависимости въ своихъ отношеніяхъ къ избранной радѣ. Вернулся онъ въ Москву раньше, чѣмъ ему совѣтовали, конницу отправилъ по собственному усмотрѣнію и такой дорогою, что большая частью погибла въ пустынѣ, и т. д. Но сразу сбросить съ себя иго онъ не рѣшался: слишкомъ много было въ немъ трусости, слишкомъ велико вліяніе приближенныхъ. Зависимыя отношенія продолжаются еще, какъ мы сейчасъ увидимъ, цѣлыхъ 7 лѣтъ.

Важнѣйшимъ эпизодомъ этого періода была болѣзнь Царя. Простудившись какъ-то, онъ занемогъ сильною горячкою, такъ что дворъ, Москва и Россія въ одно время узнали о его болѣзни и безнадежности къ выздоровленію. Іоаннъ былъ въ памяти. Царскій дьякъ Михайловъ, подойдя къ постели, сказалъ ему, что время подумать о духовной. Іоаннъ велѣлъ написать завѣщаніе, въ которомъ объявилъ сына своего Димитрія наслѣдникомъ престола. Бумагу приготовили и затѣмъ утвердили ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ. Ихъ собрали въ Царской столовой комнатѣ. Неожиданно однако начался споръ, шумъ, мятежъ. Многіе отказывались присягать и, между прочимъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Іоаннъ позвалъ къ себѣ ослушныхъ бояръ и спросилъ у нихъ: «кого-же думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя моего сына?.. Не имѣю силъ говорить много — но Димитрій и въ колыбели есть для Васъ самодержецъ законный... Если не имѣете совѣсти, будете отвѣчать Богу». Бояре однако не укротились, и отецъ Адашева откровенно сказалъ Царю:

«Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ повиноваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые безъ сомнѣнія будутъ властвовать въ Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ что страшитъ насъ! А мы, до твоего возраста, уже испили всю чашу бѣдствій отъ Боярскаго правленія». Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи.

Бояре вели себя безобразно: бранились, чуть не дрались даже въ комнатѣ больного, забывая не только о почтительности Царю, но и о простомъ уваженіи къ человѣку. Истощая послѣднія силы, Государь хотѣлъ видѣть князя Владиміра и такъ называемою цѣловальною запискою обязать его къ вѣрности. Князь отказался. Съ удивительной кротостью Царь сказалъ ему: «Вижу твое намѣреніе. Бойся Всевышняго», а боярамъ, давшимъ клятву: «Я слабѣю, оставьте меня и дѣйствуйте по долгу чести». Сильвестръ, замѣтимъ, былъ на сторонѣ Владиміра. На слѣдующій день Государь вторично созвалъ вельможъ и сказалъ имъ:

«Въ послѣдній разъ требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними Боярами, Князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести Царевича: спасите его, бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь!.. А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ: вы будете *первыми мертвецами*. И такъ, явите мужество: умрите великодушно за моего сына и за мать его: не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!»

Волю Царя исполнили, многіе однако нехотя, разсчитывая при

первой же возможности отказаться отъ присяги и поступить по своему. Но неожиданно для всѣхъ Іоаннъ выздоровѣлъ.

Несомнѣнно, что разсказанный здѣсь эпизодъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, котораго онъ не могъ забыть всю жизнь. Онъ увидѣлъ явное непослушаніе, ненависть къ ослушникамъ глубоко запала въ его душу и впослѣдствіи онъ страшно отомстилъ имъ.

Но можно ли толковать этотъ эпизодъ, какъ стремленіе бояръ къ самовластію? Казалось, малолѣтство Димитрія обѣщало имъ полную свободу дѣйствія, но они сами отказываются отъ такой перспективы и хотятъ присягать Владиміру, какъ *самодержцу*. Ослушаніе съ ихъ стороны было, но не было измѣны, которую хотѣлъ видѣть Іоаннъ. Ни объ ограниченіи царской власти, ни о какой бы то ни было конституціи, хотя самой незначительной, бояре не мечтали. Причиной этого было не только ихъ малое политическое развитіе, но и—что еще важнѣе—полное отсутствіе какого бы то ни было единства въ ихъ средѣ. Каждый дѣйствовалъ за себя: одни боялись господства Захарьиныхъ, другіе по самолюбію не хотѣли подчиниться имъ. Въ общемъ боярство XVI-го вѣка представляется намъ средой въ значительной степени разъединенной, неспособной ни къ дружному натиску, ни къ дружной защитѣ. Управлять этой средой было очень нетрудно, особенно при помощи знаменитаго древне-римскаго принципа «divide et impero». Разумѣется, были и выдающіеся умы съ широкимъ политическимъ горизонтомъ и героическіе характеры, но тона они не задавали. Боярство рѣзко и замѣтно, не теряя, такъ сказать, ни одного дня, переходило на положеніе придворной аристократіи и гораздо больше занималось своими мѣстническими спорами и тяжбами, чѣмъ конституціонными проектами или мятежами и измѣнами.

Какъ бы то ни было, болѣзнь и сцена, разыгравшаяся у его постели, произвели на Іоанна сильное впечатлѣніе. Здѣсь онъ убѣдился, что ему, хотя бы умирающему, могутъ оказать явное противорѣчіе. Это навело его и на другія размышленія, въ результатѣ которыхъ онъ сталъ сознавать свою зависимость отъ совѣтниковъ и тяготиться ею. Онъ находилъ уже удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по своему. Описанное выше свиданіе съ Вассіаномъ было новымъ опредѣляющимъ моментомъ въ томъ же направленіи. Но явно онъ долгое время не измѣнялся: вліяніе окружающихъ на слабую волю было слишкомъ сильно, чтобы можно было сразу отдѣлаться отъ него.

Какъ затѣмъ были усмирены казанскіе мятежи и присоединено

царство астраханское, разсказывать не буду: это общеизвѣстно. Пропускаю дѣла крымскія и шведскія, какъ мало характерныя для біографіи, тѣмъ болѣе, что вопросъ о личной инниціативѣ Царя за все это время исторически неразрѣшимъ. Гораздо важнѣе, что начиналась ливонская война.

Извѣстно, что историки толкуютъ ее очень различно. Для многихъ желаніе Іоанна завоевать Ливонію, разгромить впослѣдствіи Литву и Польшу, занять самому польскій престолъ является доказательствомъ его великой государственной мудрости. Въ дѣлѣ сближенія Россіи и Европы въ немъ видятъ предшественника Петра. Я уже упоминалъ выше о столкновеніи съ ливонскимъ орденомъ, не желавшимъ пропустить въ Россію художниковъ и ремесленниковъ изъ-за границы. По этому поводу орденскіе чиновники писали императору:

«Уже Россія такъ опасна, что всѣ Христіанскіе сосѣдственные Государи уклоняютъ главу предъ ея Вѣнценосцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, властолюбивымъ, и молятъ его о мирѣ. Благоразумно-ли будетъ умножать силы природнаго врага нашего сообщеніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художниковъ, то подъ симъ именемъ устремится туда множество людей, принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ Анабаптистовъ, Сакраментистовъ и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ; они будутъ самыми ревностными слугами Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливоніею и Балтійскимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію».

Основываясь на этомъ, историки и приписываютъ Іоанну важнѣйшіе, по выраженію Карамзина, планы. Однако уже самъ Карамзинъ не рѣшается присоединиться къ такому мнѣнію и лишь упоминаетъ о немъ. Вопросъ опять очень трудный. Дѣйствовалъ ли Іоаннъ по геніально задуманному плану, или по капризу? Съ точки зрѣнія психологической, послѣднее вѣроятнѣе, и вотъ почему. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно, чтобы Іоаннъ вообще намѣревался, какъ Петръ Великій, передѣлать Россію по западному образцу. Его идеаломъ была скорѣе азіатская деспотія или византійская имперія, но никакъ не западно-европейское государство. Правда, Европы онъ не чуждался, но можно ли утверждать, что онъ цѣнилъ ее или преклонялся передъ ней, какъ его славный преемникъ. Онъ сносился съ Австріей, съ Англіей и проч., но эти сношенія имѣли по преимуществу характеръ личный, а не государственный. Такъ напр., англійская торговля служила лишь къ выгодѣ двора, посольства къ Елизаветѣ имѣли свою особенную, спеціальную цѣль—найти убѣжище въ Англіи на случай мятежа. Въ Австріи царь искалъ себѣ невѣсту, чтобы, породнившись съ правящимъ домомъ, еще возвыситься надъ

земнородными. И такъ далѣе. Съ капризной, полной противорѣчій и непослѣдовательности натурой Іоанна просто не мирится такой дальновидный планъ, предвосхитившій на цѣлый вѣкъ замыслы Петра Великаго. Если это правда, то Іоаннъ не просто уже геній, а прозорливецъ, не имѣющій себѣ равнаго въ исторіи. До Петра были и Алексѣй Михайловичъ, и царевна Софія. Іоаннъ же мысль о сближеніи съ Европой долженъ былъ создать, такъ сказать, изъ ничего — предположеніе, которое не можетъ не показаться невѣроятнымъ для всякаго маломальски знакомаго съ исторіей. Если бы у меня было больше времени и мѣста, я показалъ бы читателю, какъ стихійно и незамѣтно втянулся Іоаннъ въ войну, принесшую для него столько бѣдъ. Здѣсь же ограничусь лишь тѣмъ, что, думая о завоеваніяхъ, о побѣдахъ и проч., думая о томъ, какъ бы унизить враговъ своихъ, самъ Іоаннъ *нигдѣ* и *никогда* не упоминаетъ о приписываемыхъ ему замыслахъ. Очевидно, онъ не сознавалъ ихъ. Началъ же войну онъ по всей вѣроятности по духу противорѣчія. Рада требовала уничтоженія разбойничьяго гнѣзда, но Царь, начинавшій уже находить удовольствіе въ непослушаніи и противорѣчіи, избралъ войну Ливонскую. Это было въ 1558 г., и первые три года, благодаря мужеству воеводъ, прекрасной сравнительно организаціи войска, наши дѣла шли какъ нельзя больше успѣшно.

Въ то время,—разсказываетъ Карамзинъ,—какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

«Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Θеодора, и дочь Евдокію, цвѣла юностію и здравіемъ: но въ іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ. Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостью возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными. Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и къ отчаянію супруга, Анастасія 7 августа, въ пятомъ часу дня, преставилась...

«Іоаннъ шелъ за гробомъ; братья: Князья Юрій, Владиміръ Андреевичъ и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался; одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина... Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!..

«Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели...»

III.

Опричина и Земщина.

Такъ долго подготовлявшаяся перемѣна въ Іоаннѣ проявилась рѣзко и быстро. Вѣрнѣе: это была не перемѣна, а лишь возвращеніе къ старому, возвращеніе, ставшее неизбѣжнымъ, какъ только исчезло сдерживающее вліяніе супруги и рады. А еще почти наканунѣ восторженно отзывались о немъ и русскіе, и иностранцы. «Іоаннъ, — пишетъ Пикрицъ — затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ, и добродѣтелью. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ливонія, Крымъ, Ногаи ужасаются русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ, онъ удивительно снисходителенъ и привѣтливъ; любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ и, несмотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ... Нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе русскихъ преданнаго своему Государю, котораго они одинаково страшатся и любятъ». Но... «умершей убо царицѣ Анастасіи — говоритъ лѣтописецъ — нача Царь быти яръ и прилюбодѣйствіемъ зѣло». Ярость и прелюбодѣйствіе проявились сразу, что мы отмѣтимъ для будущаго.

Для насъ однако такая перемѣна не является неожиданной. Дѣло въ томъ, что еще весною 1560 г. холодность Государя къ Сильвестру и Адашеву обнаружилась такъ ясно, что они увидѣли необходимость удалиться отъ двора. Адашевъ принялъ санъ Воеводы и поѣхалъ въ Ливонію, а Сильвестръ скромно заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Непріятели рады восторжествовали и говорили царю: «нынѣ ты ужъ истинный Самодержецъ, помазанникъ Божій: *одинъ управляешь землею*, открывъ свои очи, и зришь свободно на все царство». Ясно изъ этихъ словъ, на какой струнѣ разыгрывали новые совѣтники царя. Дѣйствовала вѣроятно цѣлая клика, хотя мы и не знаемъ именъ ея членовъ. Въ ея интересахъ было прежде всего обезопасить себя отъ возможности возвращенія Сильвестра и Адашева. Обоихъ ихъ обвиняли въ чародѣйствѣ, въ томъ, что они извели царицу, — и осудили заочно. Сильвестра заключили въ Соловецкій монастырь, Адашева — въ Дерптъ, гдѣ черезъ два мѣсяца онъ заболѣлъ горячкою и умеръ, избѣгнувъ худшаго. Послѣдовало затѣмъ истребленіе духа Адашевскаго, что мы сейчасъ увидимъ. Пока-же отмѣтимъ слѣдующую любопытную черту характера царя. Спросимъ себя, любилъ ли онъ Анастасію? Повидимому, да: но

крайней мѣрѣ онъ самъ такъ много говоритъ о своей любви и всю жизнь вспоминаетъ о первой женѣ. Однако, когда черезъ *восемь* дней послѣ ея смерти бояре торжественно предложили ему искать невѣсту, онъ выслушалъ ихъ безъ гнѣва, а 18-го августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ короля Польскаго.

«Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять Царя, сперва беседою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности, называли постничество лицемѣріемъ. Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ Царевичей, брата Іоаннова Юрія и Казанскаго Царя Александра, перевели въ особенные домы. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе Бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицемъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали; ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову».

Царь окружилъ себя новыми любимцами, Басмановыми, Вяземскимъ, Малютой Скуратовымъ, готовыми на все, чтобы удовлетворить своимъ развратнымъ наклонностямъ или честолюбію. Они сговорились съ двумя или тремя монахами, заслужившими довѣренность царя, людьми хитрыми и лукавыми, «которымъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть царя и своимъ присутствіемъ какъ-бы оправдывать бесчиніе шумныхъ пировъ его». Женолюбіе проявилось полностью. «Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе и, въ ожиданіи новой супруги, искалъ временныхъ предметовъ къ удовлетворенію грубымъ вожделѣніямъ чувственнымъ». Штатъ его гарема состоялъ изъ пятидесяти дѣвушекъ.

Очевидно, что такое поведеніе царя, нарушавшее даже приличіе, не могло нравиться всѣмъ. Карамзинъ говоритъ о печальныхъ лицахъ старыхъ бояръ, оттѣсненныхъ отъ престола голодной стаей новыхъ любимцевъ, и на нихъ указывали, какъ на измѣнниковъ, какъ на друзей Адашева. Сначала стали гнать всѣхъ ближнихъ Адашева: ихъ лишали собственности или отправляли въ дальнюю ссылку. На первыхъ порахъ это не обходилось безъ протестовъ. Такъ, князь Оболенскій, оскорбленный однажды наглостью Басманова, сказалъ ему: «мы служимъ царю трудами полезными, а ты гнусными дѣлами содомскими». Басмановъ пожаловался царю, который за обѣдомъ, «въ изступленіи гнѣва», вонзилъ несчастному князю ножъ въ сердце. Бояринъ князь Рѣпнинъ, видя, что Царь, напившись меду, пляшетъ съ своими любимцами въ маскахъ, заплакалъ отъ стыда и горя. Іоаннъ хотѣлъ надѣть маску и на него, но Рѣпнинъ вырвалъ ее,

растопталъ ее ногами и сказалъ: «Государю-ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ думы, безумствовать не могу». Царь приказалъ умертвить его. Въ угоду Іоанну явилась толпа доносчиковъ. Подслушивали разговоры въ семействахъ или между друзьями, иногда прямо клеветали и выдумывали преступленія, что было не трудно, такъ какъ улики не требовалось и охотно вѣрили каждому мерзавцу. Протесты не останавливали царя, а лишь раздражали его: бунтъ, мятежъ, измѣну онъ видѣлъ въ каждомъ смѣломъ словѣ и боролся съ протестующими своими обычными жестокими средствами. Трудно сказать, какой идеалъ носился передъ его разгоряченнымъ болѣзнью, виномъ и развратомъ воображеніемъ, повидимому онъ хотѣлъ не только того, чтобы каждое его слово встрѣчало повиновеніе, но и гораздо большаго—*чтобы его одобряли, восторгались, хвалили его за каждый поступокъ, каковъ-бы онъ ни былъ.* Онъ требовалъ даже, чтобы это одобреніе, похвалы, восторги были-бы искренни, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ былъ достаточно чутокъ. Правда, его можно было обманывать грубой лестью, притворствомъ, но это лишь до поры до времени. Такая фантазія могла зародиться лишь въ головѣ деспота, и ниже, говоря объ опричинѣ, мы увидимъ попытку осуществить ее. Но самодовольства у него не было.

«Любопытно видѣть,—говоритъ Карамзинъ,—какъ сей Государь, до конца жизни усердный чтитель Христіанскаго Закона, хотѣлъ согласовать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, *чародѣи*, враги Христа и Россіи; то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя *гнуснымъ убійцею невинныхъ*, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной Обители Св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ».

Война съ Ливоніей между тѣмъ продолжалась, и наконецъ въ 1561 г. орденъ, окончательно стѣсненный русскими, долженъ былъ прекратить свое самостоятельное существованіе и присоединиться къ Польшѣ. Предстояла теперь война съ этой послѣдней, но предварительно Іоаннъ и не думалъ о ней, а напротивъ, какъ мы говорили, мечталъ о женитьбѣ на сестрѣ короля Сигизмунда. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили о мирѣ и желаніи русскаго царя породниться съ польскимъ королевскимъ домомъ. Имъ поручено было выбрать одну изъ двухъ сестеръ, Анну или Екатерину, смотря по ихъ красотѣ, здоровью и дородству. Бракъ однако не удался. Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости борьбы за Ливо-

нію, считалъ безполезнымъ родство съ Іоанномъ, и война продолжалась уже въ болѣе широкомъ масштабѣ. Іоаннъ-же, рѣшительно оставивъ мысль сдѣлаться зятемъ Сигизмунда, искалъ себѣ другой невѣсты уже въ азіатскихъ мѣстахъ. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ черкесскихъ князей Темгрюкъ имѣетъ прелестную дочь. Царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, «полюбилъ» и велѣлъ учить закону. Бракъ совершился 21-го августа 1561 г., «но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о королевнѣ, по крайней мѣрѣ досадовалъ, готовясь мстить королю и за Ливонію, и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха».

Второй бракъ Іоанна ничуть не обновилъ его. Онъ увлекся лишь красотою невѣсты, и любовь его, или прихоть, скоро исчезла. Сходили со сцены и послѣдніе дѣятели избранной рады. Въ концѣ 1563 года умеръ въ глубокой старости и митрополитъ Макарій, личность быть можетъ не самостоятельная и не особенно выдающаяся, но съ воспоминаніемъ о которой связано воспоминаніе о лучшихъ дняхъ царствованія Іоанна. Эти дни больше уже не возвращались; напротивъ, злоба и жестокость царя росли, какъ бы стремясь къ какому-то недостижимому предѣлу, когда человѣкъ, «уподобясь звѣрю, самъ рветъ зубами своего противника и упивается его кровью».

Пытки, казни, неожиданно обрушивавшіяся на правыхъ и виновныхъ, вызвали бѣгство въ южныя края многихъ знатныхъ лицъ. Примѣръ показалъ князь Димитрій Вишневецкій, предавшійся Сигизмунду; за нимъ ушли два брата Черкасскіе, которымъ грозила опала. Особенно извѣстенъ отъѣздъ князя Андрея Курбскаго, знаменитаго обличителя Грознаго.

Случилось это вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Курбскій былъ сподвижникомъ всѣхъ блестящихъ завоеваній царя, нѣкогда—его любимцемъ и другомъ. Но онъ зналъ, что послѣ опалы, постигшей Адашевыхъ, добраго ему ничего уже ждать нельзя. Какъ могъ уцѣлѣть онъ, пріятель «собаки Алексѣя» и «попа Сильвестра», членъ избранной рады, когда всѣ, кто имѣлъ какое бы то ни было отношеніе къ дѣятелямъ счастливаго тринадцатилѣтняго періода царствованія Іоанна, подвергались гоненію. Забывъ дружбу, Іоаннъ уже мстилъ ему. Начальствуя въ Дерптѣ, Курбскій сносилъ выговоры и разныя оскорбленія и узналъ наконецъ, что ему готовится гибель. Тогда онъ спросилъ у жены, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго передъ собой, или разстаться на вѣки? Княгиня выбрала послѣднее, и Курбскій ночью тайно вышелъ изъ дома, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, гдѣ уже стояли приготовленныя

лошади, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго литовцами. Сигизмундъ встрѣтилъ его съ почетомъ. Личныя оскорбленія и обиды заставили Курбскаго объясниться съ Іоанномъ, и вотъ резюме перваго письма, написаннаго имъ Царю.

«Царю нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному, нынѣ-же по грѣхамъ нашимъ огорченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными Владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты Сильныхъ во Израилѣ, Вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ пролiялъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ Царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, Христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы Царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни Германскія въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для Царя?... Не описываю всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу единое: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя излiянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ, и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе Святыхъ и праотца моего, Князя Ѳеодора Ярославскаго. Мы разстались съ тобою навѣки: не увидишь лица моего до дни суда Страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола Его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! — Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь.»

Письмо это Курбскій доставилъ царю съ вѣрнымъ слугою своимъ Василіемъ Шибановымъ. Шибановъ подалъ запечатанную бумагу въ руки самому Государю, сказавъ: «отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михаиловича». Царь, вспыливъ, ударилъ его въ ногу своимъ острымъ жезломъ: кровь лилась изъ раны; Шибановъ молчалъ. Іоаннъ оперся рукою на жезлъ и приказалъ читать письмо вслухъ. Несомнѣнно, что онъ понялъ героизмъ вѣрнаго холопа, безмолвно стоявшаго предъ нимъ... и заставилъ его подвергнуть жесточайшимъ мукамъ въ застѣнкѣ. — Грозный отвѣчалъ Курбскому, самъ-ли или при помощи дьяковъ сво-

гъ, но все-же интересно будетъ привести самыя характерныя стороны отвѣта:

«Почто, несчастный, губишь свою душу измѣною, спасая бренное тѣло бѣгствомъ. Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего-же не хотѣлъ умереть отъ меня, строптиваго Владыки, и наслѣдовать вѣнецъ мученическій? Что жизнь, что богатство и слава міра—все суета и тѣнь: блаженъ, кто смертью пріобрѣтаетъ душевное спасеніе». Аргументъ, надо согласиться, не лишенъ остроумія и схоластически тонокъ. Царь продолжаетъ: «устыдися раба своего Шибанова: онъ сохранилъ благочестіе передъ царемъ и народомъ: давъ господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему при вратахъ смерти»... Далѣе Іоаннъ перечисляетъ свои заслуги передъ Курбскимъ. Указываетъ на свою ласку и милость и старается унизить князя, попрекая его незначительнымъ происхожденіемъ («отецъ твой служилъ въ бояряхъ у князя Михаила Курбскаго!») и подводя къ нулю его воинскіе подвиги. Самъ-же себя онъ, разумѣется, возвеличиваетъ: «Что, спрашиваетъ онъ, было отечество въ ваше царствованіе и въ мое малолѣтство? Пустынею отъ Востока и Запада, *и мы*, увидѣвъ васъ (т. е. бояръ), *устроили села и грады тамъ, гдѣ витали дикіе звѣри*. Горе дому, коимъ владѣетъ жена, горе царству, коимъ правятъ многіе». Слѣдуютъ примѣры изъ исторіи, затѣмъ клеветы на Сильвестра и Адашева и наконецъ слѣдующее характерное умозаключеніе.

«Безстыдная ложь, что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Не губимъ *сильныхъ во Израилѣ*; ихъ кровію не обагряемъ церквей Божіихъ: *сильные*, добродѣтельные здравствуютъ и служатъ намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ—и гдѣ же щадятъ ихъ? Константинъ Великій не пощадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, святый Князь Феодоръ Ростиславичъ, сколько убилъ Христіанъ въ Смоленскѣ. Много опалъ, горестныхъ для моего сердца; но еще болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣстныхъ. Спроси у купцовъ чужеземныхъ, пріѣзжающихъ въ наше Государство: они скажутъ тебѣ, что твои *предстатели* суть злодѣи уличенные, коихъ не можетъ носить земля Русская. И что такое *предстатели отечества*? Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпитеры? Доселѣ Владѣтели Россійскіе были вольны, независимы, жаловали и казнили своихъ подданныхъ безъ отчета. Такъ и будетъ! Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости Божіей, Пречистыя Дѣвы Маріи и Святыхъ Угодниковъ: наставленія человѣческаго не требую. Хвала Всевышнему: Россія благоденствуетъ: Бояре мои живутъ въ любви и согласіи; одни друзья, совѣтники ваши, еще во тьмѣ коварствуютъ.—Угрожаешь мнѣ судомъ Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ только на небесахъ, Діаволъ во адѣ, на землѣ же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! вездѣ Господня Держава, и въ сей, и въ будущей жизни.—Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица твоего *Эфіопскаго*: горе мнѣ! какое бѣдствіе!—Престолъ

*

Всевышняго окружаешь ты убіенными мною: вотъ новая ересь! Никто, по слову Апостола, не можетъ видѣть Бога. —Положи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ докажешь, что и послѣдняя искра Христіанства въ тебѣ угасла: ибо Христіанинъ умираетъ съ любовію, съ прощеніемъ, а не съ злобою.—Къ довершенію измѣны называешь Ливонскій городъ Вольмаръ областію Короля Сигизмунда и надѣешься отъ него милости, оставивъ своего законнаго, Богомъ даннаго тебѣ Властителя. Ты избралъ себѣ Государя лучшаго! Великій Король твой есть рабъ рабовъ: удивительно ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соломонъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными: таковъ ты дѣйствительно.—Писано нашея Великія Россіи въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта міроздапія 7072, Іюля мѣсяца въ 5 день».

Письмо, несомнѣнно, написано съ большимъ искусствомъ. Оно усиащено массою цитатъ изъ исторіи и священнаго писанія и отъ начала до конца проникнуто тонкимъ схоластическимъ духомъ. Но гдѣ—то мѣсто, гдѣ та фраза, которыя говорили-бы намъ о величіи души, гдѣ благородство мыслей, выраженій чувства? Насмѣшки грубы, ложь и самовосхваленіе беззастѣнчивы. Особенно поучительна эта язвительность, это желаніе во что-бы то ни стало уколоть противника, эти упреки въ незначительности происхожденія. Говоря о Сильвестрѣ и Адашевѣ, царь то просто ругается, то старается очернить ихъ всевозможными клеветническими хитросплетеніями. За собой, на бумагѣ по крайней мѣрѣ, не видитъ никакой вины и громогласно объявляетъ всѣ свои жестокости и казни проявленіемъ высшей справедливости. Блескъ ума, повторяю, виденъ, но благородство отсутствуетъ, нѣтъ и признаковъ его. Характерно то, что отвѣтъ Іоанна Курбскому разросся въ цѣлую книгу. Очевидно, онъ долго обдумывался, долго подбирались цитаты и слова язвительныя, долго обсуждалось достоинство того или другого аргумента. Собственно царь не оправдывается: онъ пишетъ себѣ самый беззастѣнчивый панегирикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражняется въ стилѣ. Искусственный характеръ аргументаціи не позволяетъ въ этомъ усомниться. Царь столько-же заботился объ убѣдительности, сколько и о томъ, чтобы тѣ, которымъ придется читать его произведеніе, пришли въ восторгъ отъ его учености, остроумія, его краснорѣчія... Курбскій презрительно отвѣтилъ ему, упрекая между прочимъ въ «жалкомъ суесловіи». Съ этимъ упрекомъ трудно не согласиться.

Въ началѣ зимы 1564 г. Москва неожиданно узнала, что Царь ѣдетъ куда-то съ ближними своими дворянами, приказными и воинскими людьми, поименно созванными для этого изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. 3-го декабря ранo

утромъ явилось на Кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ Дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, одежду и деньги. Духовенство, бояре ждали въ это время Царя въ церкви Успенія; онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню, молился съ усердіемъ, принялъ благословеніе, милостиво далъ цѣловать свою руку боярамъ, чиновникамъ, купцамъ, затѣмъ сѣлъ въ сани съ Царицею, двумя сыновьями, своими любимцами-боярами и, провожаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское. Здѣсь за распутьемъ онъ прожилъ около двухъ недѣль, никому ничего не разъясняя изъ дальнѣйшихъ своихъ плановъ. Изъ Коломенскаго царь перебрался въ село Тайнинское и наконецъ въ Александровскую Слободу, гдѣ и остановился окончательно. Въ Москвѣ между тѣмъ никто не зналъ, что думать о таинственномъ путешествіи государя: всѣ ждали чего нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, нерадостнаго. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Наконецъ 3-го января 1565 г. посланцы вручили митрополиту грамоту Іоанна. Въ ней, какъ бы повторяя свою рѣчь на Красной площади, государь описывалъ всѣ мятежи, неустройства и беззаконія боярскаго правленія во время его малолѣтства, доказывалъ, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли и помѣстья, исключительно радѣя о своемъ благѣ, и что духъ этотъ теперь въ нихъ нисколько не измѣнился. Воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ и нѣмцамъ терзать Россію; а если государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновниковъ, грубятъ и надоѣдаютъ ему. «И Царь—заканчиваетъ Іоаннъ свою грамоту—отъ великой жалости сердца, не желая терпѣть ихъ (т. е. бояръ и чиновниковъ) многихъ измѣнныхъ дѣлъ, оставилъ государство свое и уѣхалъ, чтобы поселиться тамъ, гдѣ укажетъ ему Богъ».

Эта новая театральная выходка произвела въ Москвѣ большое волненіе. Митрополитъ и бояре испугались, не допуская даже и мысли, чтобы Царь могъ серьезно оставить государство, тѣмъ болѣе, что ни объ отреченіи отъ престола, ни о выборѣ преемника въ грамотѣ не говорилось ни слова; купцы-же и мѣщане изъявляли сами готовность истреблять измѣнниковъ, лишь бы Царь указалъ ихъ. Во всякомъ случаѣ оставаться долѣе въ томительномъ недоумѣніи не хотѣлось никому, и съ общаго согласія торжественное посольство, состоявшее изъ духовенства, бояръ и горожанъ, направилось къ

Іоанну. Цѣлью посольства было ударить челомъ Государю и плакаться.

5-го января предстало оно передъ царскія очи и умильно плакалось. Духовенство просило снять съ него опалу и вернуть милость. о томъ же просили сановники. На рѣчи пришедшихъ Іоаннъ отвѣчалъ съ обычнымъ своимъ многорѣчіемъ и высокопарностью, повторилъ боярамъ всегдашніе свои упреки въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи и строптивости: ссылался на исторію, доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія на Руси, а также врагами державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣли извести Царя, супругу, сыновей его. -Бояре молчали. «Но,—продолжалъ Царь,—для отца моего Митрополита Афанасія, для васъ богомольцевъ нашихъ, Архіепископовъ и Епископовъ, соглашаюсь пока взять Государства свои: а на какихъ условіяхъ -вы узнаете!»

Во теченіи цѣлаго мѣсяца эти условія оставались тайной. Только 2-го февраля Іоаннъ торжественно возвратился въ Москву и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ. Видъ его изумилъ всѣхъ: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, глаза были тусклы, а на головѣ и въ бородѣ не было почти ни волоса. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться Царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ объ обязанности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ и необходимости брать всѣ нужныя для того мѣры, о кратковременности жизни и затѣмъ предложилъ уставъ «опричины», сущность котораго сводилась къ тому, что Царь избиралъ себѣ тысячу тѣлохранителей и объявлялъ своею личною собственностью нѣсколько (около 20-ти) богатыхъ городовъ, а также и улицъ въ Москвѣ. Эта часть Россіи и Москвы, какъ отдѣльная собственность Царя, находясь надъ непосредственнымъ его вѣдомствомъ, была названа *Опричиною*, а все остальное, т. е. все Государство, *Земщиною*, которую Іоаннъ поручилъ земскимъ боярамъ. Въ важнѣйшихъ, особенно-же ратныхъ дѣлахъ, позволялось обращаться къ Государю.

Объявивъ эту новую конституцію, Іоаннъ потребовалъ прежде всего отъ земщины 100,000 р. за издержки по путешествію отъ Москвы до слободы Александровской, а затѣмъ принялся за осуществленіе программы и искорененіе измѣнниковъ.

Найти какое нибудь разумное объясненіе новой выдумкѣ Іоанновой очень трудно, едва-ли даже возможно. Даже въ рѣчахъ своихъ Царь никакихъ мотивовъ государственнаго характера не привелъ, а послѣдовавшихъ за учрежденіемъ Опричины поступкахъ нечего

и говоритъ: все отъ начала до конца говоритъ о разгулѣ личной страсти, рѣшившейся отрѣшиться отъ какихъ-бы то ни было стѣсненій. Въ этихъ послѣднихъ словахъ и заключается кажется вся разгадка. Несомнѣнно, что, живя въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, окруженный боярами, которые хотя и молчали, но далеко не всему сочувствовали, Іоаннъ стѣснялся вести ту жизнь, которая была наиболѣе по нраву ему, и эти стѣсненія, какъ ни малы были они, въ концѣ концовъ надоѣли ему. Надоѣло, что митрополитъ является просить за опальныхъ, что надо присутствовать въ думѣ и такъ или иначе заниматься государственными дѣлами, надоѣла быть можетъ вся эта обстановка, такъ живо напоминавшая о ненавистныхъ Сильвестрѣ и Адашевѣ. Въ Москвѣ Царь былъ слишкомъ на глазахъ, слишкомъ доступенъ, а этого-то Іоанну и не хотѣлось. Онъ задумалъ спрятаться отъ народа, бояръ и духовенства и, не стѣсняясь никѣмъ, предаться разгулу мести и сладострастія. Оттого-то въ рѣчахъ своихъ онъ и возвращается такъ настойчиво къ тому, что его «стужаютъ», т. е. тревожатъ его непрошеннымъ вмѣшательствомъ какъ въ личную его жизнь, такъ и въ распоряженія по части казней и пытокъ. Москва, Кремль годились быть можетъ для умѣреннаго разгула и звѣрства, но они были стѣснительны для новой жизни, давно уже вырисовавшейся передъ разстроеннымъ воображеніемъ Царя. Онъ дѣлалъ попытки осуществить ее въ юности до брака съ Анастасіей и до появленія Сильвестра, но обстоятельства не позволили: теперь уже препятствій не было никакихъ, даже со стороны царицы, которую, какъ мы видѣли, лѣтописцы характеризуютъ очень неважно. Но какъ добиться этого, какъ чувствовать себя совершенно свободнымъ и въ то-же время совершенно безопаснымъ? Страхъ и подозрительность попрежнему, быть можетъ сильнѣе еще, мучили душу Царя, призракъ измѣны тѣмъ настойчивѣе стоялъ передъ его глазами, что Курбскій только что предался королю, и злой-ли человѣкъ подсказалъ, самъ-ли Царь выдумалъ, но, какъ бы то ни было, исходъ былъ найденъ.

Нелюбившій усиленныхъ занятій, Царь передалъ большую часть дѣлъ земскимъ боярамъ. Это давало полный просторъ его лѣни. Болѣзненно подозрительный, онъ окружилъ себя громаднымъ отрядомъ тѣлохранителей. Чтобы еще больше обезопасить себя, онъ изъ «опричныхъ» земель и улицъ выселилъ всѣхъ земскихъ людей. Здѣсь, въ Александровской слободѣ или въ своемъ новомъ московскомъ дворцѣ, онъ чувствовалъ себя, какъ въ крѣпости. Онъ сидѣлъ за высокими стѣнами, скрытый отъ всѣхъ глазъ, имѣя возмож-

ность дѣлать рѣшительно все, что было угодно, не приводя оправданій, не надѣвая никакой маски. Опричина была настоящей крѣпостью, откуда Іоаннъ управлялъ всей Россіей, вѣрнѣе дѣлалъ набѣги на всю Россію.

Предварительно занялся онъ устройствомъ дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Басмановъ-сынъ, Вяземскій, Малюта Скуратовъ и другіе избранные любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ дѣтей боярскихъ, уже раньше отличившихся распутствомъ, удальствомъ и готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ, друзьяхъ, покровителяхъ; требовалось, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными боярами; неизвѣстность и даже низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, царь избралъ 6000 и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрой и правдой, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими, не водить съ ними хлѣба соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За это Іоаннъ давалъ имъ не только земли, но и дворы и движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя помѣстья. Крестьяне одинаково являлись жертвами: новые владѣльцы, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, имѣя постоянную нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами и трудами. Деревни быстро разорялись. Но это зло было лишь началомъ дальнѣйшихъ. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ опричникамъ: они были всегда правы во всемъ. Опричникъ могъ безопасно тѣснить и грабить сосѣда и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Установился еще и такой обычай: слуга опричника, исполняя волю господина, прятался съ какими-нибудь вещами въ домѣ намѣченнаго купца или дворянина: господинъ, заявляя мнимую кражу и мнимое бѣгство слуги, требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пятьсотъ, тысячу и болѣе рублей за укрывательство. Иногда опричникъ самъ подбрасывалъ что нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ и за будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду... Изобрѣтательны были опричники, а люди земскіе были безгласны и безотвѣтны передъ ними. Іоаннъ поощрялъ жестокость и преступность своей дружины, ибо тѣмъ больше государство ненавидѣло

опричниковъ, тѣмъ болѣе государь имѣлъ къ нимъ довѣренности. Замѣтимъ еще, что «затѣйливый» умъ царя изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ знаменіе того, что грызутъ лиходѣевъ царскихъ и выметаютъ измѣну изъ земли русской.

Посмотримъ, какую жизнь велъ Іоаннъ. Хотя новый московскій дворецъ и былъ похожъ на крѣпость, но Іоаннъ не считалъ себя безопаснымъ и въ немъ: не взлюбивъ Москвы, онъ большую часть времени проводилъ въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украсилась домами, церквами и каменными лавками. Царь жилъ въ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные и воинскіе чиновники—въ особыхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу, купцы— также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать изъ слободы безъ вѣдома Іоанна, для чего была установлена воинская стража. Здѣсь-то за стѣнами крѣпости, окруженной темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностью успокоивать душу. Онъ захотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а своихъ любимцевъ —въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ самыхъ лютыхъ, назвалъ ихъ братіею, себя—игуменомъ, князя Вяземскаго—келаремъ, Малюту — параклесіархомъ; далъ имъ тафьи, или скуфейки, и черныя рясы, подъ которыми носили они богатые, золотомъ шитые кафтаны съ собольей опушкой, сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ примѣромъ въ исполненіи его. Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и Малютою благовѣстить къ заутрени; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали восьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до 6 –7 часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ. Въ 8 часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Между тѣмъ иноки ѣли и пили до сыта; всякій день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ, т. е. царь, обѣдалъ послѣ, бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ, дремалъ или ѣхалъ въ темницу пытать какого-нибудь несчастнаго. Казалось, что это ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія, шутилъ, разговаривалъ веселѣе

обыкновеннаго. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ одинъ за другимъ разсказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ, и день его начинался молитвою. Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени и обѣдни. Однообразіе своей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми объѣздами; посѣщалъ монастыри и ближніе, и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ, ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ, любилъ въ особенности медвѣжью травлю; между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами, ибо земскіе бояре, мнимо-уполномоченные правители государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда въ Россію пріѣзжали знатные иноземные послы, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой кремлевской палатѣ; являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко.

Все это время одна и та же мысль, гвоздемъ засѣвшая въ головѣ его, не давала ему покоя. Надо было искоренить боярство. Объ этомъ часто говорилъ онъ въ дружескихъ разговорахъ съ приближенными ему иностранцами. Онъ жаловался имъ на бояръ, на духовенство, не скрывалъ своихъ мстительныхъ замысловъ противъ первыхъ, чтобы имѣть возможность царствовать свободнѣе и безопаснѣе съ дворянствомъ новымъ или опричниною, ему преданною. По словамъ царя, опричина видѣла въ немъ отца и благодѣтеля, а бояре жалѣли и вздыхали о временахъ Адашевскихъ, когда имъ было свободно, а ему, царю, — неволя. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, государь исполнялъ свою программу. Многихъ бояръ казнилъ онъ лютою смертью, другихъ постригалъ въ монахи, третьихъ отправлялъ въ тяжелую ссылку, съ остальныхъ бралъ записи за поручительствомъ ихъ друзей: въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели должны были вносить въ казну знатную сумму денегъ; напр., за князя Серебрянаго 25,000 рублей, или около полумилліона нынѣшнихъ.

Постепенно развивалась и идея царскаго величія, принимая странныя, утрированныя формы. Чтобы возвыситься надъ другими, царь уже отказывался быть русскимъ. Однажды, по разсказу Флетчера, Іоаннъ велѣлъ одному англійскому мастеру сдѣлать для него блюдо и хорошенько взвѣсить отданный ему слитокъ металла, промолвивъ: «не вѣрь моимъ русскимъ; они всѣ воры». Англичанинъ улыбнулся; царь захотѣлъ узнать причину. «Если угодно вашему

величеству, — сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, — то не скрою отъ васъ мысли своей: называя всѣхъ русскихъ ворами, забываете, что и сами вы принадлежите къ ихъ числу». «Нѣтъ, — отвѣчалъ Іоаннъ:—я не русскій: мои предки были нѣмцы». Онъ хотѣлъ въ это время жениться на нѣмкѣ, а дочь свою выдать за нѣмецкаго князя.

Въ общемъ жизнь царя въ Александровской свободѣ представляетъ много любопытнаго. Внимательный читатель не могъ не обратить прежде всего вниманіе на невѣроятно повышенную и напряженную нервную дѣятельность Іоанна. Царь несомнѣнно страдалъ безсонницей; по свидѣтельству современниковъ, онъ не спалъ почти, а лишь дремалъ изрѣдка и то въ общей сложности не больше 2 — 3 часовъ въ сутки. Цѣлыя ночи онъ проводилъ въ церкви, кладя земные поклоны до кровавыхъ пятенъ на лбу, днемъ или кутилъ, или пыталъ несчастныхъ, или занимался государственными дѣлами. Повидимому онъ не зналъ усталости и, отдаваясь своей похотливой натурѣ, не чувствовалъ даже необходимости въ отдыхѣ. Тѣло его истощалось. Пробывъ всего одинъ мѣсяцъ въ слободѣ и вернувшись затѣмъ въ Москву, онъ настолько измѣнился, что трудно было узнать его: глаза потускнѣли, волоса на головѣ и бородѣ вылѣзли почти до единаго, но повышенная нервная дѣятельность не падала. Она выражалась въ безпрестанномъ безпокойствѣ, въ постоянной необходимости раздражать себя пирами или пытками. И послѣ этихъ пытокъ Царь чувствовалъ себя особенно веселымъ и даже благодушно настроеннымъ! Если-же это такъ, то жестокость Іоанна была не прихотью, не капризомъ, не тиранствомъ, какъ постоянно выражается Карамзинъ, а необходимостью его натуры, которой онъ долженъ былъ служить, какъ пьяница долженъ пить водку. Онъ радовался и веселился духомъ, видя передъ собой корчившагося на угольяхъ человѣка: эти страданія удовлетворяли его потребность къ мучительству, уменьшали то постоянное тревожное безпокойство, которое онъ день и ночь ощущалъ въ себѣ. Отъ него-то уйти онъ не могъ, и только застѣнокъ давалъ ему минутные отдыхи. Для меня по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что это непрестанное тревожное настроеніе, эта безсонница, эта неугомонная нервная дѣятельность говорятъ о глубокомъ разстройствѣ душевнаго организма, особенно-же безсонница, какъ явленіе чисто физіологическое. И мы увидимъ дальше, какъ это разстройство достигло наконецъ кульминаціоннаго пункта, какъ принимало оно все болѣе и болѣе буйныя формы.

Пока же будемъ продолжать нашъ разсказъ.

Въ это время (1566) предстоялъ выборъ митрополита. Сначала

выборъ палъ на Германа. Но тотъ, однажды бесѣдуя съ Іоанномъ наединѣ, захотѣлъ попытать его сердце; началъ говорить съ нимъ, какъ должно первосвятителю, о грѣхахъ, о христіанскомъ покаяніи, тихо и скромно, однакоже съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о страшномъ судѣ, о вѣчной мукѣ злыхъ. Іоаннъ задумался: ему опять надоѣдали, опять принялись за «стуженіе», которое лишь раздражало его. Онъ вышелъ отъ митрополита съ лицомъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи Германа и спросилъ, что они думаютъ. «Думаемъ, Государь,—отвѣчалъ А. Басмановъ,—что Германъ желаетъ быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ твое воображеніе и лицемѣритъ въ надеждѣ овладѣть тобою. Но спаси насъ и себя отъ такого Архипастыря». Германа изгнали изъ палатъ, и Царь искалъ другого первосвятителя. Трудно сказать почему, но вниманіе его остановилось на Филиппѣ, игуменѣ Соловецкаго монастыря, который славился своимъ благочестіемъ; но зачѣмъ понадобилось оно Государю! Какъ бы то ни было, Филиппъ, вызванный въ Москву Царскою милостивою грамотою, явился туда, былъ принятъ Царемъ съ отмѣнною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Несмотря на всѣ отговорки Филиппа, Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ сказалъ: «Повинуюсь волѣ твоей; но умири-же совѣсть мою: да не будетъ опричины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное Царство, по Глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословить тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ сдержалъ гнѣвъ свой и тихо отвѣтилъ: «развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня? что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» — и доказывалъ необходимость опричины, но, скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестьемъ, но ошиблись: быть можетъ, Царь не оставлялъ еще надежды сдѣлать его хотя бы молчаливымъ соучастникомъ своего правленія *), и первый шагъ Филиппа какъ бы оправдывалъ его разсчеты. Была написана грамота, въ которой сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступаться въ опричину Государеву и не оставлять митрополію подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться

*) Еще вѣроятнѣе, что Іоаннъ избраніемъ Филиппа просто хотѣлъ удивить всѣхъ, такъ какъ никому и въ голову ничего подобнаго не приходило. Эффектъ получился почти театральный.

въ дѣла мірскія. Святители утвердили эту хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричины, былъ немедленно возведенъ въ митрополиты. Первое-же слово, сказанное имъ по принятіи сана, было исполнено величія. Онъ говорилъ о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству,—хвалятъ достойное хулы и порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земного величія, о невооруженной любви, которая пріобрѣтается государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ словамъ Филиппа, и первые мѣсяцы послѣ избранія его прожили въ мирѣ. Затихли жалобы на кромѣшниковъ, Царь ласкалъ митрополита... Чувствовалъ-ли онъ угрызенія совѣсти или притворялся?—недоумѣваетъ Карамзинъ. По нашему ни то, ни другое: это былъ лишь короткій періодъ реакціи, необходимый во всякой болѣзни.

Но скоро начались новыя убійства и казни—третья эпоха ихъ по счету историковъ. Характеръ его нѣсколько иной, почему и остановимся на ней подробнѣе.

Прежде всего главнымъ боярамъ московскимъ тайно вручили грамоты, подписанныя Сигизмундомъ и Хоткѣвичемъ: король и гетманъ убѣждали ихъ оставить Царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщая удѣлы. Бояре, представивъ эти грамоты Іоанну, отвѣчали королю, что склонять къ измѣнѣ вѣрныхъ подданныхъ есть дѣло безчестное, что они умрутъ за Царя добраго, ужаснаго лишь для злодѣевъ,—словомъ, доказали свои вѣрноподданническія чувства какъ нельзя лучше. Іоаннъ самъ взялся доставить эти грамоты королю, но доставилъ-ли ихъ—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, планъ его, довольно хитро задуманный, не удался. Онъ обратился къ мѣрамъ болѣе грубымъ. Старый бояринъ Өедоровъ былъ обвиненъ въ томъ, что желаетъ свергнуть Царя съ престола и властвовать надъ Россіей. Іоаннъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ этой клеветѣ: въ присутствіи всего двора надѣлъ на Өедорова Царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «Здравъ буди, великій Царь земли Русской. Се пріялъ ты отъ меня честь тобою желаемую. Но, имѣя власть сдѣлать тебя Царемъ, могу и низвергнуть съ Престола». Съ этими словами онъ ударилъ старика ножомъ въ сердце; опричники дорѣзали его, выволокли обезображенное тѣло изъ дворца и бросили на съѣденіе псамъ. Умерщвлена была также и престарѣлая жена

боярина и многіе его «единомышленники». Погибъ скоро и князь Ростовскій, воеводствовавшій въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда опричники привезли Іоанну его отрѣзанную голову, онъ, оттолкнувъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что покойный князь, любивъ обагряться кровью непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и своею собственною. Въ эти минуты обыкновенно сумрачный Царь расходился и острилъ. Убиты были и многіе другіе знатные люди. Буйство достигло размѣровъ еще невиданныхъ. Опричники, вооруженные длинными ножами и сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, всенародно убивали человѣкъ по десяти, по двадцати въ день. Трупы лежали на улицахъ и площадяхъ, и никто не могъ убирать ихъ. Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ свирѣпѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ».

Молчалъ и митрополитъ, котораго Царь избѣгалъ и отказывался видѣть; но это до поры до времени.

«Однажды, въ воскресенье, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, сопровождаемый боярами и множествомъ опричниковъ, вошелъ въ церковь Успенія: Царь и вся дружина были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Филиппъ стоялъ въ церкви на высокомъ мѣстѣ. Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый Владыко! Се Государь: благослови его!» Взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣчалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя Православнаго: не узнаю и въ дѣлахъ Царства... Благочестивый, кому поревновалъ, сицевымъ образомъ доброту лица своего измѣнивши. Отколь солнце на небеси начало сіяти, не было слыхано, чтобы Цари благочестивые свою державу возмущали. О Царю! Мы приносимъ здѣсь жертву Богу, а за алтаремъ неповинная кровь льется. Въ невѣрныхъ языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ. Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, и совершаются именемъ Царя! Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь ты на судъ Его? Самые камни вопіютъ о мести подъ ногами твоими! Государь! Вѣщаю яко пастырь душъ. Боюсь Бога единаго». Іоаннъ задрожалъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ: «Чернецъ, до сихъ поръ излишне щадилъ я васъ, измѣнниковъ: отнынѣ буду, каковымъ вы меня нарицаете!» Грозный вышелъ вонъ изъ церкви.

Буйство продолжалось. Царь превосходилъ жестокостью даже

опричниковъ своихъ. Ссылаясь на Гельника, Курбскій прибавляетъ, что два брата, вмѣстѣ съ другими служа Іоанну палачами въ истребленіи, не могли убить одного прекраснаго младенца, найденнаго ими въ колыбели, и принесли его Царю. Іоаннъ взялъ его, *поцѣловалъ* и выбросилъ въ окно на съѣденіе медвѣдямъ, а двухъ упомянутыхъ братьевъ велѣлъ изрубить саблями за ихъ жалость. Жестокости принимали характеръ грубаго разбоя. Въ іюлѣ 1568 г. въ полночь любимцы Іоанна вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, дьякамъ, купцамъ: взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывозили изъ города. Вслѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный опричниками. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы опальныхъ бояръ, казнилъ ихъ слугъ, *даже истреблялъ скотъ*. Возвратись въ Москву, велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ страха и горя.

28-го іюля произошло новое столкновеніе съ Филиппомъ. Митрополитъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ: тутъ были и Царь съ опричниками, изъ которыхъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ. Увидавъ это, митрополитъ остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Царю, но опричникъ уже спряталъ тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ государевыхъ любимцевъ. Забывши всякую пристойность, Іоаннъ громко ругалъ Филиппа, называлъ его лжецомъ, мятежникомъ, клялся, что уличитъ его въ измѣнѣ.

Съ этой минуты участь митрополита была рѣшена. Онъ былъ позванъ на судъ. Царь, бояре и епископы сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на Филиппа съ дерзостью человѣка, стремившагося занять его мѣсто. Не оправдываясь, митрополитъ обратился къ Царю и сказалъ: «Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, чѣмъ въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно!» Какъ бы надсмѣхаясь надъ нимъ, Іоаннъ приказалъ ему еще служить обѣдню въ полномъ облаченіи. Филиппъ повиновался. Во время службы въ церковь явился Басмановъ съ опричниками, держа въ рукахъ свитокъ, и велѣлъ прочесть его. Въ свиткѣ значилось, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана. Тогда воины, войдя въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ монастырь. Вскорѣ онъ былъ задушенъ.

«Тиранство, —говоритъ Карамзинъ.—созрѣло въ эту эпоху, и конецъ былъ далекъ». Жестокость обрушивалась уже на массы. Въ Торжкѣ, въ день ярмарки, опричники завели ссору и драку съ жителями. Царь объявилъ ихъ бунтовщиками, велѣлъ ихъ мучить и топить въ рѣкѣ. То же произошло и въ Коломнѣ. Не остановили Царя просьбы и укоры митрополита, не могли остановить его и бѣдствія народныя. А ихъ было много. Въ іюлѣ 1566 г. по сѣверо-западу пошло моровое повѣтріе: люди умирали скоропостижно «знаменіемъ», какъ сказано въ лѣтописяхъ. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи: люди тысячами гибли отъ голоду. На это Царь не обращалъ вниманія, онъ думалъ лишь о своихъ казняхъ и внѣшнихъ дѣлахъ, которыя всегда сильно интересовали его. Съ этими внѣшними дѣлами связанъ одинъ эпизодъ изъ политической жизни Россіи, который необходимо разсказать подробнѣе.

Въ 1566 г., въ іюлѣ, Іоаннъ призвалъ въ земскую думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничихъ дворянъ первой и второй статьи, но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ, отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ. Въ собраніи находилось 399 человѣкъ. Всѣ отвѣчали, что государю безъ вреда для Россіи нельзя быть «снисходительнѣе», что Рига и Венденъ необходимы намъ для защиты Новгорода и Пскова, иначе затворится торговля новогородская. Воины изъявили готовность пролить кровь свою, граждане—отдать деньги. Былъ ли этотъ соборъ испытаніемъ вѣрности, или новымъ театральнымъ зрѣлищемъ, на которомъ Царь хотѣлъ явиться въ полной торжественности,—мы не знаемъ, но частью какой бы то ни было политической программы считать его нельзя: такой программы у Іоанна никогда не имѣлось, и единственнымъ результатомъ собора было то, что Россія рѣшительнѣе стала продолжать войну. Самъ Царь отправился на мѣсто дѣйствія, но, охлажденный неудачами и опасностями, скоро вернулся въ столицу. Тогда обѣ стороны, утомленныя борьбой, заключили временное перемиріе.

Изъ внѣшнихъ же сношеній любопытно посольство дворянина Андрея Савина къ Елизаветѣ. Посольство было съ тайнымъ дѣломъ, о которомъ мы узнаемъ только по отвѣту Елизаветину, хранящемуся въ нашемъ иностранномъ архивѣ. Какъ оказывается, Іоаннъ, недавній побѣдитель Польши, не имѣвшій рѣшительно никакого основанія сомнѣваться въ вѣрноподданническихъ чувствахъ народа своего, только и думалъ что о бунтахъ, объ изгнаніи и даже о своей

собственной казни! Ему мерещились мятежи и возстанія, онъ писалъ объ этомъ Елизаветѣ и просилъ убѣжища въ ея землѣ на случай чего нибудь подобнаго. Королева отвѣчала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, если, вслѣдствіе тайнаго заговора, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ угодно въ Англіи *), наблюдать въ богослуженіи всѣ обряды вѣры греческой, имѣть своихъ слугъ и право свободнаго выѣзда, куда угодно. «Все это,—заканчивала Елизавета,—мы обѣщаемъ какъ этимъ нашимъ письмомъ, такъ и словомъ христіанскаго государя». Слѣдуютъ подписи Елизаветы и ея приближенныхъ.

Манія преслѣдованія очевидно разыгрывалась, но, какъ и все у Іоанна, и эта манія проявлялась пока припадками, не принимая еще хроническаго характера. Въ одинъ изъ этихъ припадковъ и было вѣроятно написано письмо къ Елизаветѣ. Замѣтимъ, что прямого повода къ нему не было рѣшительно никакого. Оно явилось какъ бы по капризу разстроеннаго воображенія, которому мерещились всякіе ужасы. Передъ Іоанномъ носились картины мятежа и возстанія, какъ носились и картины страшнаго суда. Отъ первыхъ онъ хотѣлъ бѣжать въ Англію,—куда было бѣжать отъ вторыхъ?

1-го сентября 1569 года умерла царица Марія. Россія облеклась въ трауръ, дѣла остановились, бояре и приказные люди надѣли смиренное платье, во всѣхъ городахъ служили панихиды и раздавали милостыню. Самъ Іоаннъ, едвали опечаленный смертью жены, уѣхалъ изъ Москвы въ слободу, гдѣ принялся за обычное свое времяпрепровожденіе.

Первой «крупной» жертвой его на этотъ разъ былъ князь Владиміръ Андреевичъ. *Шестнадцать лѣтъ* уже таилъ на него Іоаннъ злобу свою, и наконецъ она разразилась. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Князь Владиміръ ѣхалъ въ Нижній черезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его съ крестами и хлѣбомъ и солью, изъявляя любовь свою. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ привести костромскихъ начальниковъ въ Москву и казнить ихъ. Брата онъ ласково пригласилъ къ себѣ. Владиміръ направился къ нему съ женою и дѣтьми и, остановившись въ трехъ верстахъ

*) Елизавета прибавляетъ: «upon your own charge»—«на вашъ собственный счетъ»... Разсчетливая была особа.

отъ слободы, въ деревнѣ Слотичь, далъ знать о своемъ пріѣздѣ Іоанну. Вдругъ видитъ онъ полкъ всадниковъ, скачущихъ во весь опоръ съ обнаженными мечами. Всадники окружили деревню, схватили князя и повели его вмѣстѣ съ семействомъ къ Іоанну, сидѣвшему въ избѣ. «Вы хотѣли умертвить меня — сказалъ Іоаннъ — ядомъ, пейте его сами!» Подали отраву. Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ, то же сдѣлала жена его и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать. Іоаннъ все время смотрѣлъ на ихъ агонію. И здѣсь уже не жестокость просто, здѣсь мучительство и наслажденіе имъ. Но особенно любопытно, что Іоаннъ ждалъ мести своей цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ. Это можетъ сбить съ толку всякаго, кто склоненъ видѣть въ грозномъ царѣ болѣзненное разстройство. Такое долготерпѣніе какъ-то не вяжется съ обычнымъ представленіемъ объ Іоаннѣ, любившемъ немедленно же удовлетворять каждую прихоть свою, каждое волненіе похоти. А тутъ цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, и какихъ еще лѣтъ! За все это время Царь ласкалъ брата, ухаживалъ за нимъ, честилъ всякими способами и почти наканунѣ казни ввѣрилъ ему войско для защиты Астрахани. Такая выдержанность, повторяю, свидѣтельствуетъ повидимому объ умѣ здравомъ. Но это лишь *повидимому*. Психологія доказываетъ, что и сильно разстроенные люди очень долго могутъ таить свои намѣренія и даже искусно прятать ихъ подъ любою маской. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ: для казни Владиміра приключился поводъ—именно вниманіе къ нему костромичей. Этого уже Іоаннъ стерпѣть не могъ, онъ слишкомъ ревниво относился къ власти своей. Она должна быть абсолютной и нераздѣльной, всякое ничтожное даже посягновеніе на нее наказывается смертью. Передъ Царемъ пусть все падетъ въ прахъ, пусть все *сравняется*.

Не могъ не сравняться и Новгородъ Великій, и здѣсь мы подошли къ одной изъ самыхъ пропитанныхъ кровью страницъ царствованія Іоанна.

Новгородъ, униженный и обезличенный еще при дѣдѣ Грознаго, «сохранялъ еще нѣкоторую величавость», основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ гражданскомъ устройствѣ. Это безпокоило Царя. Весною 1569 г. онъ вывелъ изъ города 150 семействъ и переселилъ ихъ въ Москву. Это не предвѣщало ничего хорошаго. Гроза дѣйствительно скоро разразилась.

Въ декабрѣ царь съ старшимъ сыномъ, дружиною, со всѣмъ дворомъ выступилъ изъ слободы, миновалъ Москву и пришелъ въ

Клинъ. Здѣсь, на первомъ этапѣ, онъ велѣлъ своимъ воинамъ начать войну, убійство и грабежъ, хотя клиничане не подавали ни малѣйшаго повода, чтобы ихъ могли счесть за враговъ тайныхъ или явныхъ. Дома и улицы наполнились трупами, не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни дорога усыпалась трупами *«всѣхъ встрѣчныхъ»*; подъѣхавъ къ Твери, Царь вспомнилъ, что здѣсь въ монастырѣ сидитъ заключенный бывшій митрополитъ Филиппъ. Онъ послалъ Скуратова задушить его. Дальше были разорены и ограблены Тверь, Мѣдный, Торжокъ, Вышній-Волочекъ и всѣ мѣста до Ильменя. Наконецъ, 2-го января, передовая многочисленная дружина государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ спастись бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и окрестностяхъ, связали иноковъ и священниковъ, взыскивали съ каждаго изъ нихъ по 20 руб., а кто не могъ заплатить, того ставили на правежъ, т. е. всенародно били и сѣкли съ утра до вечера. Опечатали также дворы всѣхъ богатыхъ гражданъ; гостей, купцовъ, приказныхъ людей оковали цѣпями, женъ и дѣтей стерегли въ домахъ. Ждали прибытія Государя. Онъ прибылъ 6-го, и началось нѣчто невообразимое. На другой же день избили палицами всѣхъ монаховъ, бывшихъ на правежѣ. 8-го Царь вступилъ въ самый Новгородъ. На великомъ мосту его встрѣтилъ архіепископъ. Іоаннъ отказался принять благословеніе, грозно укорялъ его, но все же *выслушалъ литургію*, усердно молился и затѣмъ отправился въ палаты архіепископа, гдѣ и сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ боярами. Вдругъ Царь завопилъ «гласомъ великимъ яростью». Это былъ условный знакъ: архіепископа схватили, дворъ и казну его разграбили.

Начался судъ надъ новгородцами.

Ежедневно приводили къ Іоанну, возсѣдавшему на тронѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, отъ пятисотъ до 1000 и болѣе новгородцевъ. били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, тащили на берегъ Волхова въ то мѣсто, гдѣ рѣка не замерзала зимой, и бросали съ моста въ воду цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами. Воины московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ копьями, баграми и сѣкирами: кто изъ брошенныхъ въ воду выплывалъ, того кололи или разсѣкали на части. Убійства продолжались пять недѣль и заключились общимъ грабежомъ: Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ монастыри вокругъ города, захватывая повсюду казну, велѣлъ опустошить дворы и келіи, истребить скотъ, хлѣбъ, лоша-

*

дей; предалъ также и весь Новгородъ грабежу и. самъ разъѣзжая по улицамъ, наблюдалъ за ходомъ всеобщаго разрушенія. Толпы опричниковъ и воиновъ были посланы и въ пятины новгородскія, чтобы губить достояніе и жизнь людей безъ разбора и отвѣта. «Сіе—сказано въ лѣтописи—неисповѣдимое колебаніе, паденіе и разрушеніе Великаго Новгорода продолжалось около шести недѣль. Наконецъ, 12-го февраля, на разсвѣтѣ государь призвалъ къ себѣ именитыхъ новгородцевъ изъ каждой улицы по одному человѣку, *воззрѣлъ на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ* и сказалъ: «мужи новгородскіе, молите Господа о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да побѣждаемъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Суди Богъ измѣннику моему Пимену и злымъ его совѣтникамъ. На нихъ взыщется кровь, здѣсь изліянная! Да умолкнетъ плачъ и рыданіе, да утѣшится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте въ градѣ семъ...» Въ видѣ эпилога къ кровавой драмѣ архіепископа посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою и бубнами въ рукахъ, какъ шута или скомороха, возили изъ улицы въ улицу и затѣмъ отправили подъ стражею въ Москву.

Говорятъ, что въ Новгородѣ за 6 недѣль погибло около 60,000 человѣкъ. Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро, и болѣзни довершили казнь царскую, такъ что священники втеченіи 6 или 7 мѣсяцевъ, не успѣвая погребать мертвыхъ, бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ...

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ, готовя ему ту же участь. Случилось однако нѣчто неожиданное. Услышавъ о приближеніи Царя, псковитяне готовились къ смерти, прощались съ жизнью и другъ съ другомъ. Въ полночь наканунѣ дня, назначеннаго для казней, въ городѣ никто не спалъ, молились въ церквахъ, и изъ ближняго монастыря, гдѣ Царь остановился, неожиданно послышался благовѣстъ и звонъ. Сердце его, пишутъ современники, чудесно умилилось. Въ непривычномъ порывѣ жалости Іоаннъ сказалъ воеводамъ своимъ: «притупите мечи о камень! да перестанутъ убійства!» Вступивъ на другой день въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ передъ домами столы съ изготовленными яствами: граждане, жены ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, преклоняли колѣна, благословляли и привѣтствовали царя. Эта покорность усмирила Царя. Онъ выслушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы, поклонился гробу св. Всеволода и зашелъ въ келію къ старцу Николѣ. Пишутъ,

что послѣдній предложилъ въ даръ Царю кусокъ сырого мяса. «Я христіанинъ, —сказалъ Іоаннъ,—и не ѣмъ мяса въ великій постъ». «Ты дѣлаешь хуже: питаешься человѣческою плотью и кровью, забывая не только постъ, но и Бога», отвѣчалъ старецъ.

Гроза миновала Псковъ, но собиралась надъ Москвой.

Тамъ уже производилось слѣдствіе надъ соучастниками архіепископа Пимена. Каждая клевета и доносъ принимались во вниманіе. Заключали въ Москву многихъ знатныхъ бояръ и даже нѣкоторыхъ любимцевъ Іоанна—Басмановыхъ и самого князя Вяземскаго, который, казалось, пользовался полнымъ довѣріемъ Царя, который изъ его рукъ принималъ лекарства, только ему довѣрялъ всѣ тайные планы свои. Вяземскаго обвинили, что онъ будто бы предувѣдомилъ новгородцевъ о готовившемся побоищѣ. Царь повѣрилъ, или сдѣлалъ видъ, что вѣритъ, нѣсколько времени молчалъ и вдругъ призвалъ Вяземскаго къ себѣ и, разсуждая съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, приказалъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ. Возвращаясь домой, князь увидѣлъ ихъ трупы и, не показывая ни изумленія, ни жалости, прошелъ мимо, въ надеждѣ этимъ доказательствомъ своей преданности обезоружить гнѣвъ Іоанна. Надежда не оправдалась: его заключили въ тюрьму, пытали, а потомъ казнили.

Страшная была казнь! Необходимо показать, какъ *изощрялся* Іоаннъ въ мучительствѣ—единственная причина, почему приводимъ слѣдующее ужасное описаніе.

«25 іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокій костеръ, и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы Опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился Царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ Боярами и Князьями, съ Легіономъ Кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся и, не видя народа, велѣлъ Опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая Москвитянъ быть свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Народъ, увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ-ли судъ

мой?» Всѣ отвѣтствовали велегласно: «Да живетъ многія лѣта Государь Великій! да погибнутъ измѣнники!» Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновныхъ. Потомъ прочли обвинительный актъ и вызвали Висковатаго. Онъ хотѣлъ оправдываться, но Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу. Второю жертвою былъ Казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ-же измѣнахъ и столь-же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ Царю: «Се кланяюся тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по дѣламъ своимъ!» Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копіемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухсотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы обліянные кровію, съ дымящимися мечами, стали предъ Царемъ, восклицая *гайда! гайда!* и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами, еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами; мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила; но отдалъ ее сыну, Царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли съ горести».

Князь Вяземскій умеръ во время пытокъ. Конецъ Алексѣя Басманова кажется еще болѣе невѣроятнымъ. Пишутъ, будто бы Іоаннъ принудилъ юнаго Ѳедора Басманова убить своего отца! Ѳедоръ убилъ на глазахъ царя, но не спасся отъ казни.

Еще нѣсколько фактовъ. Михайловскій воевода Казариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и посхимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки. Царь послалъ за нимъ опричниковъ и велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ *шутку*, что схимники—ангелы и должны летѣть на небо.—Висловъ имѣлъ красавицу-жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову. Случалось, что самъ Іоаннъ принималъ роль палача, что мы видѣли и раньше. Когда жертва по какимъ-то ни было причинамъ ускользала изъ его рукъ, онъ мстилъ его семьѣ и родственникамъ. Малолѣтнія дѣти князя Оленкина были заморены въ тюрьмѣ.

«Но смерть,—говоритъ Карамзинъ—казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее какъ милости. Невозможно безъ трепета читать въ запискахъ современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ: сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы: разрѣзывали людей по составамъ, перетирали тонкими веревками на двое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины»...

«Царь въ это время *веселился*. Изъ Новгорода и другихъ областей при-

…слали ему шутовъ и скомороховъ вмѣстѣ съ медвѣдями. Послѣдними онъ травилъ людей въ гнѣвѣ и въ забаву; видя иногда близъ дворца толпу народа всегда мирнаго и тихаго, приказывалъ выпускать нѣсколько медвѣдей и громко смѣялся воплю и бѣгству устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе. Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить Царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился Князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, не довольный какою то шуткою, Царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножемъ... Обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцѣли слугу моего добраго,—сказалъ Царь:—я поигралъ съ нимъ неосторожно. *Такъ неосторожно* (отвѣчалъ Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія.* Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему воевода старицкій, Борисъ Титовъ,—поклонился до земли и величалъ его, какъ обыкновенно. Царь сказалъ: «будь здравъ, любимый мой Воевода: ты достоинъ нашего жалованья —и ножемъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ не изъявилъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицемъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо!—Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яствы и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать Литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки Царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцемъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гайда! гайда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу».

«Къ этимъ бѣдствіямъ присоединились голодъ и моръ, опустошавшіе Россію вплоть до 1572 г.»

Невольно, послѣ подобнаго описанія, вырывается у Карамзина вопросъ: «кому больше слѣдуетъ удивляться: Царю ли, разрушающему собственное царство, или подданнымъ, смиренно выносившимъ всѣ бѣды, всѣ муки, всяческую жестокость и издѣвательство?» Обѣ стороны заслуживаютъ удивленія, но теперь меня интересуетъ лишь первая—самъ Іоаннъ Грозный.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа я не намѣренъ уже подробно описывать казни и истязанія: слишкомъ много ихъ, и простое перечисленіе заняло бы страницы. Довольно сказаннаго, такъ какъ и на

основаніи приведенныхъ данныхъ возможно уже отмѣтить *спеціальный, болѣзненный* характеръ мучительства Іоаннова. Зло привлекало его къ себѣ и привлекало неотразимо. Какъ пьяница чувствуетъ себя совершенно разстроеннымъ и безсильнымъ, отданнымъ во власть тоски, тѣмъ болѣе гнетущей, что у ней нѣтъ «предмета»,—такъ чувствовалъ себя Іоаннъ, не видя долго пытокъ и агоніи умирающихъ. Это вѣроятно самый существенный фактъ его духовной жизни. По мѣрѣ того, какъ разстраивалось его воображеніе, какъ возрастало предсердечное томленіе (вещь, въ медицинѣ извѣстная), тѣмъ большей необходимостью являлось мучительство. Потребность мучить, дѣлать зло, оскорблять или унижать, потребность издѣваться и злорадствовать есть въ каждомъ изъ насъ. Это почти безспорный фактъ, но у нормальнаго человѣка такая потребность нейтрализуется благожелательными побужденіями и лишь изрѣдка выступаетъ на сцену властно и повелительно. При извѣстныхъ же формахъ умственнаго разстройства — особенно же такого, которое находится въ связи съ половымъ изступленіемъ —такая потребность является доминирующей: она безконтрольно овладѣваетъ сознаніемъ и настойчиво требуетъ удовлетворенія. Больному на самомъ дѣлѣ *легче*, когда онъ причинитъ кому нибудь страданіе, услышитъ стоны и крики, увидитъ кровь. Ему нужно все это, необходимо нужно, и онъ оживляется, становится веселъ, шутливъ, разговорчивъ. Мрачные больные, страдающіе безпредметной тоской, особенно склонны къ буйнымъ выходкамъ. Эти выходки являются какъ бы клапаномъ тоски, какъ бы струей свѣжаго воздуха, очищающаго атмосферу, наполненную газомъ. Странна здѣсь необходимость потребности, но она-то вмѣстѣ съ тѣмъ и указываетъ на разстройство. До казни, до пытокъ Іоаннъ бывалъ обыкновенно особенно мраченъ, желаніе казнить и пытать являлось въ немъ сразу, вдругъ, и онъ бросался, какъ мы видѣли, изъ-за неоконченной трапезы, чтобы бѣжать въ застѣнокъ. Это *вдругъ* тоже характерно, говоря объ острыхъ приступахъ тоски и раздраженія.

Эротическое изступленіе Іоанна почти несомнѣнно. Онъ самъ постоянно говоритъ о своемъ «распутствѣ». «А мнѣ,—пишетъ онъ Курбскому,—псу смердящему, кого учити, и чему наказать, и чѣмъ просвѣтити? Самъ бо всегда въ пьянствѣ, и въ блудѣ и въ прелюбодѣйствѣ обрѣтаюсь». Онъ повторяетъ то же признаніе въ завѣщаніи 1572 г. О томъ же говоритъ Курбскій и единогласно всѣ современники, какъ русскіе, такъ и иностранные. Напр., датскій посолъ Ульфельдъ пишетъ: «habet (Іоаннъ), ut aiunt in ginecaeo suo 50

virgines, et illustri familia oriandas eque Livonia abductas quas secum, quo se confert ducit, iis loco uxoris, cum ipse uxoratus non sit, utens». «Женъ и дщерей блудомъ оскверни», свидѣтельствуетъ Кубасовъ. О его отношеніяхъ къ Ѳедору Басманову извѣстно достаточно. Женатый 6 разъ, онъ передъ смертью замышлялъ 7-й бракъ и, лежа на постели, наканунѣ кончины, такъ испугалъ любострастными поползновеніями свою невѣстку, что та съ омерзеніемъ убѣжала отъ него. Фактовъ для выводовъ довольно, и всякій, даже поверхностно знакомый съ психопатологіей, знаетъ, что ненормальное сладострастіе и жестокость идутъ всегда вмѣстѣ.

По мѣрѣ развитія недуга возрастала потребность мучительства. Іоаннъ уже не удовлетворяется, какъ въ юности, случайными жертвами, ему не нужно больше поводовъ для жестокости. Этотъ поводъ не только при немъ всегда, но и всегда въ немъ самомъ. Ему мало единичнаго убійства, онъ устраиваетъ цѣлыя бойни, послѣ которыхъ, какъ въ Новгородѣ, является съ лицомъ просвѣтленнымъ и даже кроткимъ... Вырабатывается рядомъ съ этимъ и артистичность. Іоаннъ сладострастно-жестокъ, онъ смакуетъ пытку, убиваетъ на самый различный маneръ. Онъ наслаждается муками и, какъ человѣкъ уже пресыщенный, любитъ смаковать агонію. Простого убійства мало. Убійство, которое больше всего привлекало Грознаго, отличается тонкостью и изощренностью. Въ немъ нѣсколько моментовъ. Іоаннъ любитъ прежде всего неожиданность нападенія, которая вызываетъ испугъ. Намѣтивъ жертву, онъ становился особенно ласковъ съ нею, внимателенъ и льстивъ. Упившись испугомъ и найдя новый еще неиспытанный видъ казни, Царь упивается агоніей, и чѣмъ продолжительнѣе она—тѣмъ ему пріятнѣе. Въ этой области онъ—артистъ, художникъ, и никто, даже изысканный въ жестокости Людовикъ XI, не сравнится съ нимъ. Формулы Каллигулы «я хотѣлъ бы, чтобы у римлянъ была одна голова» — Іоаннъ не принялъ бы: слишкомъ скоро можно отрубить *одну* голову. Надо напугать, надо издѣваться, надо мучить...

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Іоаннъ былъ хронически боленъ. Его болѣзнь перемежающаяся и даже такая, которая окончательно сломить его могучаго организма не могла. Находили періоды «жестокой мрачности» и исчезали, оставивъ за собою полосу крови и отвратительный запахъ поджаривавшихся на угольяхъ живыхъ тѣлъ. Казни и пытки обновляли духъ его, и чѣмъ дальше, тѣмъ все на менѣе и менѣе короткое время.

А государственный характеръ казни? —спроситъ читатель. Раз-

умѣется, былъ и онъ и отрицать его нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Борьба съ боярскимъ произволомъ — не пустая фраза въ устахъ Грознаго, не пустая фраза и вольность новгородская. Въ немъ крѣпко засѣли московскія традиціи, установленныя его отцомъ, дѣдомъ и раньше. Это—традиціи всеобщаго уравненія какимъ бы то ни было путемъ во имя возвеличенія царской власти. Но эта государственная идея, воспринятая больнымъ духомъ, приняла дикую и страшную форму. Казни гораздо меньше вызывались потребностью (хотя бы призрачной) жизни, чѣмъ царской натуры. Онѣ были искусствомъ для искусства, онѣ были вѣчно неудачной, вѣчно возраждавшейся попыткой удовлетворять страсть мучительства. Но эта страсть не знаетъ удовлетворенія, за то слишкомъ хорошо знаетъ пресыщеніе, которое всегда и во всемъ заставляетъ изощряться.

И Грозный изощрялся.

Будемъ продолжать нашъ разсказъ, отмѣтивъ предварительно одинъ любопытный документъ, относящійся къ 1572 году. Документъ этотъ — завѣщаніе Іоанна, написанное имъ въ ожиданіи смерти. Какъ мы не разъ уже видѣли, Грозный любилъ упражняться въ добродѣтели на словахъ или бумагѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Начинается со строкъ, полныхъ самоуничиженія:

«Се азъ, худый рабъ Божій Іоаннъ, пишу сіе исповѣданіе своимъ цѣлымъ разумомъ, но разума не суетою одержимъ есмь и отъ убогаго дому ума моего не могохъ представити трапезы, пищи Ангельскихъ словесъ неполненны, понеже умъ убо острупися, тѣло изнеможе, струпи тѣлесны и душевны умножишась, и не сущу врачу исцѣляющу мя; ждахъ, иже со мною поскорбить, и не бѣ; утѣшающихъ не обрѣтохъ; воздаша ми злая возъ благая и ненависть за возлюбленіе мое. Душею убо оскверненъ есмь и тѣломъ окаляхъ, яко же убо отъ Іерусалимскихъ Божественныхъ заповѣдей къ Іерихонскимъ страстемъ приидохъ и прельстихся міра сего мимотекущею красотою... багряницею свѣтлости и злата блещаніемъ, и въ разбойники впадохъ, мысленные и чувственные; помысломъ и дѣломъ усыпенія благодати совлеченъ быхъ одѣянія, и ранами исполумертвъ оставленъ. Аще и живъ есмь, но Богу скаредными свои дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій и гнуснѣйшій, его-же Іерей видѣвъ не внятъ и Левитъ возгнушався премину: понеже отъ Адама и до сего дни всѣхъ преминухъ въ беззаконіяхъ. Сего ради всѣми ненавидимъ есмь. Каиново убійство прешедъ. Ламеху уподобихся, первому убійцѣ; Исаву послѣдовахъ скверным невоздержаніемъ; Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе,—и инымъ многимъ яростію и гнѣвомъ невоздержанія... Разумомъ растлѣненъ быхъ и скотенъ умомъ, понеже убо самую главу оскверняхъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства и блуда и всякаго злаго дѣланія, языкъ срамословіемъ, выю и перси гордостію и чаяніемъ высокоглаголиваго разума, руцѣ осязаніемъ неподобныхъ, и грабленіемъ, и убі-

вомъ, внутренняя помыслы всякими скверными, обьяденіемъ и піянствомъ, ресла чрезъ естественныхъ грѣхомъ и опоясаніемъ на всяко дѣло зло... и иными неподобными глумленіями».

Дальше идутъ совѣты дѣтямъ, изъ которыхъ видно, что Іоаннъ прекрасно понималъ, что значитъ быть хорошимъ государемъ. «Заповѣдаю вамъ,—говоритъ онъ,—да любите другъ друга и Богъ мира да будетъ съ вами. Аще бо сія сохраните, и вся благая достигнете». И дальше въ отношеніи къ приближеннымъ:

«А какъ людей держати и жаловати, и отъ нихъ беречися, и во всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и вы бы тому навыкли же; а людей бы есте, которые вамъ прямо служатъ, жаловали и любили, и ото всѣхъ берегли, чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и они прямѣе служатъ; а которыя лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, но по разсужденію, не яростію.»

Затѣмъ онъ совѣтуетъ навыкать всякому дѣлу и божественному, и священническому, и воинскому, и судейскому, и житейскому всякому обиходу, и «какъ которые чины ведутся здѣсь и *въ иныхъ государствахъ*... какъ кто живетъ и какъ кому пригоже быти». Онъ заключаетъ слѣдующимъ изреченіемъ: «подобаетъ убо царю три сія вещи имѣти; яко Богу не гнѣватися и яко смертну не возноситися и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ». Чего лучше?

Почему Іоаннъ готовился къ смерти въ 1572 г., мы не знаемъ: ему послѣ завѣщанія пришлось прожить еще цѣлыхъ 12 лѣтъ и вынести всѣ муки униженнаго самолюбія. Пока дѣла шли блестяще. Литовскіе послы не разъ просили мира, Швеція была унижена. Больше всего безпокойствъ и горя доставляли крымцы, но въ этомъ виноватъ былъ самъ Царь, не желавшій дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно. Напротивъ, въ крымскихъ дѣлахъ онъ постоянно проявлялъ малодушіе и готовность идти на уступки.

Весною 1572 г. случилось нашествіе хана Девлетъ-Гирея.

«Обойдя высланные противъ него войска, ханъ другимъ путемъ приближался къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ Опричниною. Требовалось рѣшительности, великодушія: Царь бѣжалъ... въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастися отъ непріятеля, спастися отъ измѣнниковъ: ибо ему казалось, что и Воеводы, и Россія выдаютъ его Татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства, а Ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ!»

На другой день Москва была сожжена. Къ счастію, что Девлетъ-Гирей, напуганный ложными слухами о приближеніи Магнуса, повернулъ назадъ, но все же произведенное имъ разореніе надолго осталось въ памяти народа. Въ сношеніяхъ съ Девлетъ-Гиреемъ Іоаннъ выказалъ характерную особенность своего характера. Гру-

бый и заносчивый, разъ на его долю выпадалъ успѣхъ, онъ совершенно не умѣлъ поддерживать своего достоинства въ бѣдствіяхъ Такъ было и на этотъ разъ.

Черезъ своихъ пословъ ханъ обратился къ нему съ гордыми словами:

«*Такъ говоритъ тебѣ Царь нашъ:* Мы назывались друзьями, нынѣ стали непріятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью: тогда усердно пойду на враговъ твоихъ». Сказавъ, гонецъ явилъ дары Ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: «Девлетъ-Гирей носилъ его на бедрѣ своей: носи и ты, Государь мой; еще хотѣлъ послать тебѣ коня, но кони наши утомились въ землѣ твоей». Іоаннъ отвергнулъ сей даръ *непристойный* и велѣлъ читать Девлетъ-Гирееву грамоту: «Жгу и пустошу Россію (писалъ Ханъ) единственно за Казань и Астрахань, а богатство и деньги *примѣняю* къ праху. Я вездѣ искалъ тебя, въ Серпуховѣ и въ самой Москвѣ: хотѣлъ вѣнца и головы твоей, но ты бѣжалъ изъ Серпухова, бѣжалъ изъ Москвы — и смѣешь хвалиться своимъ Царскимъ величіемъ, не имѣя ни мужества, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути Государства твоего: снова буду къ тебѣ, если не освободишь Посла моего, безполезно томимаго неволею въ Россіи; если не сдѣлаешь, чего требую, и не дашь мнѣ клятвенной грамоты за себя, за дѣтей и внучатъ своихъ»

Въ отвѣтъ на это Іоаннъ билъ челомъ хану, обѣщалъ уступить Астрахань и, что особенно позорно, выдалъ татарамъ одного знатнаго крымскаго плѣнника, добровольно принявшаго православіе, на позоръ и муки...

Въ эти же дни неслыханныхъ бѣдствій Царь задумалъ жениться въ третій разъ и выбралъ боярышню Сабурову. Но невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть: сказали, что она испорчена злодѣями, и подозрѣніе пало на близкихъ родственниковъ умершихъ царицъ Анастасіи и Маріи. Начались розыски, пытки и казни, «пятая эпоха душегубства», какъ выражается Карамзинъ. Князь Михайло Темгрюковичъ былъ посаженъ на колъ, хотя только что получилъ назначеніе быть воеводой; вельможу Яковлева засѣкли. Но что особенно ужасно — это женитьба царя на больной невѣстѣ, которая черезъ 2 недѣли скончалась.

Онъ думалъ о четвертомъ бракѣ и дѣйствительно совершилъ это «церковное беззаконіе», обвѣнчавшись на Аннѣ Колтовской. Любопытно, что разрѣшеніе на бракъ онъ потребовалъ уже послѣ, какъ бы усовѣстившись соблазна, и, созвавъ епископовъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Злые люди чародѣйствомъ извели первую супругу мою, Анастасію. Вторая, Княжна Черкасская, также была отравлена, и въ мукахъ, въ терзаніяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ не мало времени и рѣшился на третій бракъ, отчасти для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей моихъ, еще не достигшихъ совершеннаго возраста: юность ихъ претила мнѣ оста-

вить міръ; а жить въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благословенный Митрополитомъ Кирилломъ, я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ избралъ; но зависть, вражда погубили Мароу, только именемъ Царицу: еще въ невѣстахъ она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣли супружества преставилась дѣвою. Въ отчаяніи, въ горести я хотѣлъ посвятить себя житію Иноческому; но, видя опять жалкую младость сыновей и Государство въ бѣдствіяхъ, дерзнулъ на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ умиленіемъ, молю Святителей о разрѣшеніи и благословеніи».

Епископы положили на царя незначительную эпитемію и признали бракъ законнымъ.

IV.

Послѣдніе годы.

Мы дошли до важнаго 1572 года. Духъ Іоанна какъ бы просвѣтлѣлъ, впрочемъ не надолго. Царь вдругъ уничтожилъ опричину. Почему? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ опричина просто надоѣла ему; быть можетъ, ожидая смерти, онъ на самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать что нибудь хорошее. При отсутствіи документовъ можно рѣшать вопросъ такъ или иначе, и любое объясненіе представится вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, съ этого года исчезаетъ гнусное слово «опричина», и опальная земщина получаетъ прежнее имя Россіи. Неожиданно началось и преслѣдованіе враговъ задушеннаго митрополита Филиппа. Царь объявилъ ихъ «наглыми клеветниками», иныхъ отправилъ въ ссылку, иныхъ лишилъ сана и своей милости. Оставался нетронутымъ лишь главный — Малюта-Скуратовъ. Но Іоаннъ чувствовалъ къ нему какую-то особенную, неизмѣнную привязанность и не измѣнилъ ей до самой смерти Малюты. Была ли это любовь или дружба? Едва ли. Малютѣ единственному удалось убѣдить Царя въ своей неизмѣнной привязанности. Онъ былъ идеальнымъ опричникомъ, всегда готовымъ на всякое зло безъ малѣйшаго колебанія. Іоаннъ вѣрилъ, что Малюта не измѣнитъ ему, и тотъ оставался въ прежней милости, несмотря на гибель Вяземскаго, Басмановыхъ и т. д. Чтобы покончить съ Малютой, скажемъ, что онъ умеръ въ 1573 году при взятіи Виттенштейна, умеръ «честною смертью воина», сложивъ свою голову во время приступа. Узнавъ объ этомъ, «Іоаннъ изъявилъ не жалость, а гнѣвъ и злобу: пославъ тѣло Малюты въ монастырь Іосифа Волоцкаго, онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, шведовъ и нѣмцевъ».

Успѣхи въ ливонской войнѣ продолжались. Въ воображеніи царя уже рисовалась полная побѣда надъ врагами и, разгоряченный удачами, онъ проявлялъ свойственную ему наглость и самомнѣніе. При-

вожу, какъ образчикъ, его ругательное письмо къ королю шведскому, относящееся какъ разъ къ описываемому времени:

«Казнимъ тебя и Швецію,—пишетъ онъ,—правые всегда торжествуютъ. Обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ Екатерины, мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ своихъ единственно для того, чтобы отдать Королю Польскому, а за нее безъ кровопролитія взять Ливонію. Вотъ истина, вопреки клеветамъ вашимъ. Что мнѣ въ женѣ твоей? Стоитъ ли она войны? Польскіе королевны бывали и за конюхами. Спроси у людей знающихъ, кто былъ Бойдило при Ягайлѣ? не дорогъ мнѣ и Король Эрикъ: смѣшно думать, чтобы я мыслилъ возвратить ему престолъ, для коего ни онъ, ни ты не родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой? Какъ звали вашего дѣда? Пришли намъ свою родословную; уличи насъ въ заблужденіи: ибо мы доселѣ увѣрены, что вы крестьянскаго племени. О какихъ *древнихъ Короляхъ Шведскихъ* ты писалъ къ намъ въ своей грамотѣ? Былъ у васъ одинъ Король Магнусъ, и то самозванецъ: ибо ему надлежало бы именоваться *Княземъ*. Мы хотѣли имѣть печать твою и титло *Государя Шведскаго* не даромъ, а за честь, коей ты отъ насъ требовалъ: за честь сноситься прямо со мною, мимо Новогородскихъ Намѣстниковъ. Выбирай любое: или имѣй дѣло съ ними, какъ всегда бывало, или намъ поддайся. Народъ вашъ искони служилъ моимъ предкамъ: въ старыхъ лѣтописяхъ упоминается о Варягахъ, которые находились въ войскѣ Самодержца Ярослава-Георгія, а Варяги были Шведы, слѣдственно его подданные. Ты писалъ, что мы употребляемъ печать Римскаго Царства: нѣтъ, собственную нашу, прародительскую. Впрочемъ и Римская не есть для насъ чуждая: ибо мы происходимъ отъ Августа-Кесаря. Не хвалимся и тебя не хулимъ, а говоримъ истину, да образумишься. Хочешь-ли мира? да явятся Послы твои предъ нами!»

Въ то же время Іоаннъ усиленно добивался польскаго престола. Мы знаемъ, что онъ потерпѣлъ въ этомъ неудачу и вмѣсто него былъ избранъ знаменитый князь Седмиградскій Стефанъ Баторій—человѣкъ, отъ котораго пришлось вынести Іоанну столько униженій. Послѣ этого избранія, прекратившаго внутреннія распри и неурядицы въ Польшѣ, надежды на завладѣніе Ливоніей должны были значительно ослабѣть. Но Іоаннъ не разстался съ ними и рѣшился дѣйствовать еще энергичнѣе, чѣмъ прежде. Но тутъ-то и начался рядъ неудачъ, упомянуть о которыхъ намъ необходимо. Прежде всего русскимъ не удалось взять Ревеля, что значительно ободрило непріятеля. Возстали даже эстонскіе крестьяне и истребляли русскихъ безъ счету. Царь собралъ громадное, еще невиданное войско, и всѣ думали, что онъ идетъ на Ревель. Неожиданно однако онъ вступилъ въ предѣлы Польши. Это было 25-го іюля 1576 г., — день, когда и началась знаменитая война съ Баторіемъ. Іоаннъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и, принявши смиренный видъ, изъ подъ котораго однако сквозила сатанинская гордость и тщеславіе, писалъ Курбскому слѣдующее:

Смиреніе да будетъ въ сердцѣ и на языкѣ моемъ. Вѣдаю свои беззаконія, уступающія лишь милосердію Божію: оно спасетъ меня по слову Евангельскому, что Господь радуется о единомъ кающемся грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ грѣхи мучителя и блудника!... Нѣтъ, не хвалюся честію: честь не моя, а Божія... Смотри, о Княже! судьбы Всевышняго. Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотѣли владѣть Государствомъ... и гдѣ же нынѣ? Вы, сверженные правосудіемъ, кипя яростію, вопили, что не осталось мужей въ Россіи, что она безъ васъ уже безсильна и беззащитна; но васъ нѣтъ, а твердыни Нѣмецкія пали предъ силою Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ вы не бывали... Нѣтъ, ты былъ здѣсь, но не въ славѣ побѣды, а въ стыдѣ бѣгства, думая, что ты уже далеко отъ Россіи, въ убѣжищѣ безопасномъ для измѣны, недоступномъ для ея мстителей. Здѣсь ты изрыгалъ хулы на Царя своего; но здѣсь нынѣ Царь, здѣсь Россія!.. Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы ли, отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались истинными виновниками моихъ человѣческихъ слабостей? Говорите о лютости Царя, хотѣвъ лишить его и престола, и жизни! Войною ли, кровію ли пріобрѣтъ я Государство, бывъ Государемъ еще въ колыбели? И Князь Владиміръ, любезный вамъ измѣнникамъ, имѣлъ ли право на Державу, не только по своему роду, но и по личному достоинству. Князь равно безсмысленный и неблагодарный, вашими отцами вверженный въ темницу и мною освобожденный? Я стоялъ за себя; остервененіе злодѣевъ требовало суда неумолимаго... Но не хочу многословія; довольно и сказаннаго. Дивися промыслу Небесному; войди въ себя; разсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ мнѣ писать тебѣ, а любовь христіанская, да воспоминаніемъ исправишься и да спасется душа твоя».

Курбскій не отвѣчалъ ничего: онъ ждалъ момента, который былъ близокъ. Разумѣется смиреніе Іоанна не обмануло его. И кого могло обмануть оно? Продолжались по прежнему казни и пытки, погибъ въ застѣнкѣ лучшій воевода Воротынскій, погибли сотни другихъ, и правыхъ, и виновныхъ. Царь тѣшилъ себя пытками и *свадьбами*.

Вотъ разсказъ Карамзина объ этомъ:

«Въ сіи годы необузданность Іоаннова явила новыя соблазны въ преступленіи святыхъ уставовъ Церкви, съ безстыдствомъ неслыханнымъ. Царица Анна скоро утратила нѣжность супруга, своимъ ли безплодіемъ, или единственно потому, что его любострастіе, обманывая законъ и совѣсть, искало новыхъ предметовъ наслажденія: сія злосчастная, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта, заключилась въ монастырѣ Тихвинскомъ, и названная въ монашествѣ или въ схимѣ Даріею, жила тамъ до 1626 года; а Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ Епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой. Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя Царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею: ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего *пятаго*; не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при Дворѣ, въ чинахъ, между Царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей Обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. *Шестою* Іоанновою супругою—или: какъ пишутъ, *женищемъ*—была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева. Онъ, безъ всякихъ иныхъ священныхъ обрядовъ, *взялъ только молитву*

для сожитія съ нею! Увидимъ, что симъ не кончились беззаконныя женитьбы Царя, ненасытнаго въ убійствахъ и въ любострастіи!»

Мнѣ надо разсказывать теперь объ успѣхахъ Баторія. Напрасно первое время по восшествіи на престолъ старался онъ примириться съ Іоанномъ и устранить грозившее кровопролитіе. Іоаннъ стоялъ на своемъ: «Ты,—писалъ онъ Баторію,—король, но не Ливонскій». Очевидно, королемъ ливонскимъ считалъ онъ самого себя. Въ 1578 г. опять прибыли въ Москву послы Баторія, но и ихъ переговоры о мирѣ были безъ успѣха. Королю пришлось энергично приняться за дѣло. Выступивъ съ войскомъ хотя немногочисленнымъ, но прекрасно организованнымъ, изъ Свора, онъ издалъ манифестъ къ русскому народу, объявляя, что воюетъ противъ Царя Московскаго, а не мирныхъ жителей. Въ началѣ августа онъ осадилъ Полоцкъ и скоро взялъ его. За Полоцкомъ пали Соколъ, Красный, Козьянъ, Ситна и пр. А Царь, ничего не предпринимая и какъ бы дивясь успѣхамъ врага, стоялъ въ Псковѣ. Чѣмъ объяснить удачи Баторія? Это была удача талантливаго полководца въ борьбѣ съ деспотомъ, систематически истреблявшимъ въ своей землѣ все славное и выдающееся. Лучшіе «мужи» давно уже погибли въ застѣнкахъ или на плахѣ. Іоаннъ дѣйствовалъ черезъ своихъ клевретовъ и льстецовъ. Могъ ли онъ разсчитывать на успѣхъ? Это обстоятельство прекрасно разъясняетъ Курбскій въ своемъ третьемъ письмѣ къ Іоанну:

«Гдѣ твои побѣды?—говорилъ онъ:—въ могилѣ Героевъ, истинныхъ Воеводъ Святой Руси, истребленныхъ тобою. Король съ малыми тысячами, единственно мужествомъ его сильными, въ твоемъ Государствѣ, беретъ области и твердыни, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣпленныя; а ты съ войскомъ многочисленнымъ сидишь, укрываешься за лѣсами, или бѣжишь, никѣмъ не гонимый, кромѣ совѣсти, обличающей тебя въ беззаконіяхъ. Вотъ плоды наставленія, даннаго тебѣ лже-святителемъ Вассіаномъ! Единъ царствуешь безъ *мудрыхъ* совѣтниковъ; единъ воюешь безъ *гордыхъ* Воеводъ—и что же? вмѣсто любви и благословеній народныхъ, нѣкогда сладостныхъ твоему сердцу, стяжалъ ненависть и проклятія всемірныя; вмѣсто славы ратной, стыдомъ упиваешься: ибо нѣтъ добраго царствованія безъ добрыхъ Вельможъ, и несмѣтное войско безъ искуснаго Полководца есть стадо овецъ, разгоняемое шумомъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ листьевъ. *Ласкатели не Синклиты, и карлы, уничные духомъ, не суть Воеводы.* Не явно ли совершился судъ Божій надъ тираномъ? Се глады и язва, мечъ варваровъ, пепелъ столицы и—что всего ужаснѣе—позоръ, позоръ для Вѣнценосца, нѣкогда столь знаменитаго! Того ли мы хотѣли, то ли готовили ревностною, кровавою службою нашему древнему отечеству?..»

Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего Царскаго Дома и словами: «кладу перстъ на уста, изумляюся и плачу!..»

Замѣтимъ, что это—*послѣднее* смѣлое и честное слово, услышанное Грознымъ въ жизни. Оно могло дойти до него только отъ изгнанника, потому что Россія молчала. Царь дѣлалъ, что хотѣлъ, и доказательство этому духовный соборъ 1588 г., когда по его настоянію немалая часть монастырскихъ имѣній отошла въ казну, доказательство этому—безчисленныя, все продолжавшіяся казни. Несмотря на бѣдствія Россіи, онъ продолжаетъ обычный образъ жизни и, достигши 50-ти лѣтняго возраста, въ седьмой уже разъ женился на Маріи Нагой, тѣша свое сладострастіе. Пиры и придворныя празднества развлекали его и давали ему возможность разсѣивать свое мрачное настроеніе. А оно должно было быть ужаснымъ. Баторій не хотѣлъ слушать никакихъ переговоровъ о мирѣ, не шелъ ни на какіе компромиссы. Новая уступчивость Іоанна вызывала лишь новыя требованія. Баторій, кромѣ всей Ливоніи, хотѣлъ еще городовъ сѣверныхъ, Смоленска, Пензы, даже Новгорода, хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 тысячъ венгерскихъ золотыхъ и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Іоаннъ наконецъ разсердился и отправилъ ему письмо, гдѣ съ обычной ему мелочностью упрекалъ Баторія за то, что онъ «выбранный», а не Богомъ поставленный Государь. Вотъ что писалъ онъ:

«Мы, смиренный Государь всея Россіи, *Божіею, а не человѣческою многомятежною волею...* Когда Польша и Литва имѣли также Вѣнценосцевъ наслѣдственныхъ, законныхъ, они ужасались кровопролитія: нынѣ нѣтъ у васъ Христіанства! Ни Ольгердъ, ни Витовтъ не нарушали перемирія: а ты, заключивъ его въ Москвѣ, кинулся на Россію съ нашими злодѣями, Курбскимъ и другими; взялъ Полоцкъ измѣною, и торжественнымъ Манифестомъ обольщаешь народъ мой, да измѣнитъ Царю, совѣсти и Богу! Воюешь не мечемъ, а предательствомъ, и съ какимъ лютымъ звѣрствомъ! Воины твои рѣжутъ мертвыхъ... *Наши Послы ѣдутъ къ тебѣ съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки калеными ядрами* (изобрѣтеніемъ новымъ, безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ тобою о дружбѣ и любви, а ты губишь, истребляешь! Какъ Христіанинъ, я могъ бы отдать тебѣ Ливонію: но будешь ли доволенъ ею? Слышу, что ты клялся Вельможамъ присоединить къ Литвѣ всѣ завоеванія моего отца и дѣда. Какъ намъ согласиться? Хочу мира, хочешь убійства: уступаю, требуешь болѣе, и неслыханнаго: требуешь отъ меня золота за то, что ты беззаконно, безсовѣстно разоряешь мою землю!... Мужъ кровей! вспомни Бога!»

Странно слышать такіе упреки отъ Іоанна, если это на самомъ дѣлѣ были упреки, а не упражненіе въ краснорѣчіи! Онъ искалъ уже посредниковъ, обращался къ императору, папѣ... Но у него не достаетъ героизма встать во главѣ войска и дать рѣшительную битву. Какъ всѣ московскіе государи, онъ больше дипломатъ, чѣмъ воинъ. Іоанна выручилъ героизмъ псковитянъ. Псковъ отражалъ

всѣ приступы Баторія и не сдавался, несмотря на все упрямство короля. Волей-неволей пришлось заключить перемиріе. «Такъ,—говоритъ Карамзинъ,—кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ оказалъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ! Въ первый разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва-ли не безчестный даже, и если сохранили еще прежнія свои границы, то честь этого принадлежитъ Пскову».

Раздражительность и мрачность, такъ давно уже появившіяся въ характерѣ Грознаго, достигли апогея послѣ неудачъ Ливонской войны. Іоаннъ дошелъ до того, что въ припадкѣ гнѣва убилъ старшаго своего сына—моментъ его жизни, такъ дивно изображенный на знаменитой картинѣ Рѣпина. Ближайшаго повода къ убійству мы не знаемъ. Одни говорятъ, что царевичъ настаивалъ на продолженіи войны съ Баторіемъ и этимъ вывелъ изъ себя Грознаго. Другіе говорятъ другое. Несомнѣненъ самый фактъ, что Царь сильно ударилъ сына жезломъ въ високъ и уложилъ его почти на мѣстѣ: промучавшись нѣсколько дней, царевичъ скончался.

Тоска и уныніе воцарились во дворцѣ.

Іоаннъ снялъ съ себя всѣ знаки своего достоинства, «бился о гробъ и землю съ пронзительнымъ воплемъ», нѣсколько ночей онъ не спалъ, вскакивалъ съ постели, валялся среди комнаты, рыдалъ и стоналъ. Онъ не хотѣлъ никого видѣть и отказывался принимать пищу.

У него зародилась даже мысль отречься отъ престола.

Созвавши бояръ, онъ сказалъ имъ торжественно, что ему, такъ жестоко наказанному Богомъ, остается лишь кончить дни свои въ монастырскомъ уединеніи, что меньшій сынъ его Өеодоръ неспособенъ управлять Россіей и не могъ бы царствовать долго, что бояре должны избрать Государя достойнаго, которому онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ царство.

Такъ какъ подобная сцена разыгрывалась не первый уже разъ, и бояре не знали, испытываетъ ли Грозный ихъ преданность, или дѣйствительно задумываетъ оставить царство, то естественно, что они единогласно просили Царя остаться на тронѣ.

Іоаннъ какъ бы нехотя согласился, но удалилъ съ глазъ своихъ все, что напоминало ему о прежнемъ величіи, богатствѣ и пышности, перестала носить корону и скипетръ, надѣлъ на себя траурную

одежду. «Я нашелъ Царя, — пишетъ іезуитъ Поссевинъ, посѣтившій Грознаго въ это время, — въ глубокомъ уныніи. Его пышный нѣкогда дворъ казался смиренной обителью иноковъ, говоря чернымъ цвѣтомъ одежды о мрачности души Іоанна».

Но исчезли ли казни и пытки? Нѣтъ. Только по ночамъ страшная гостья, совѣсть, все чаще стала навѣдываться къ Царю. Тѣни убитыхъ и казненныхъ имъ являлись къ нему и требовали отчета. Онъ доходилъ до галлюцинацій, не могъ спать одинъ въ комнатѣ, бродилъ, какъ тѣнь, по обширнымъ палатамъ дворца своего. Заря разгоняла призраки.

Начинались новые пиры, новыя пытки.

Упомянувъ о войнѣ и перемиріи со Швеціей (1582—83), о завоеваніи Сибири, о бунтахъ казанскихъ народностей и оставивъ въ сторонѣ эти факты, находящіеся въ любомъ учебникѣ, мы можемъ перейти къ описанію послѣднихъ дней жизни Іоанна.

Они были мрачны.

Іоаннъ не любилъ Марію и ничуть не дорожилъ ею. Онъ взялъ ее себѣ въ *седьмыя* жены больше для поддержанія достоинства, чѣмъ для чего-нибудь другого. И зачѣмъ собственно нужна была ему эта «мягкая», плаксивая и добродушная женщина? Имѣть на него какого бы то ни было вліянія она не могла, а вспышка сладострастія исчезла такъ же быстро, какъ и появилась. Но Марія была беременна, и Іоаннъ зналъ это. Однако какъ разъ во время первой беременности жены онъ заводитъ переговоры съ англійской королевой Елизаветою о новомъ бракѣ на какой-нибудь ея родственницѣ. Новый бракъ долженъ былъ заключиться по разсчету, и, отправляя въ Лондонъ дворянина Писемскаго съ порученіемъ устроить бракъ, Царь прежде всего требуетъ, чтобы посолъ условился о тѣсномъ государственномъ союзѣ между Англіею и Россіею. Невѣста была намѣчена, именно тридцатилѣтняя племянница королевы — Марія Гатлингсъ. Выдвигая однако на первый планъ свои политическіе планы, Іоаннъ не забываетъ и похотливыхъ видовъ, во имя которыхъ онъ строго на строго наказываетъ Писемскому самолично убѣдиться, высока ли тридцатилѣтняя миссъ, дородна ли, бѣла ли? Иной впрочемъ царица по представленію того времени и быть не могла. Предвидя со стороны Елизаветы возраженія, что «онъ уже женатъ», Іоаннъ приказалъ объяснить: «правда, но настоящая жена его не Царевна, не Княжна Владѣтельная, ему не угодна и будетъ оставлена для племянницы Государевой». Какъ сильно хотѣлось Іоанну пород-

ниться съ англійскимъ королевскимъ домомъ, видно между прочимъ изъ того пункта набросаннаго брачнаго контракта, въ которомъ Царь говоритъ, что «наслѣдникомъ Государства будетъ царевичъ Ѳеодоръ, а сыновьямъ княжны Англійской дадутся *особыя частныя владѣнія или Удѣлы*, какъ издревле водилось въ Россіи». Іоаннъ очевидно измѣняетъ традиціямъ московскихъ князей и жертвуетъ даже цѣлостью и единствомъ государства, которыя онъ всегда съ такою жестокостью защищалъ. Посольства Писемскаго подробно описывать мнѣ незачѣмъ. Остановлюсь на самомъ характерномъ.

Преслѣдуя свои торговые интересы, англійскіе министры не только ничего не имѣли противъ союза съ Россіей, но и очень радовались ему, а при заключеніи его заботились исключительно о томъ, чтобы побольше выторговать на пользу и благо своихъ купцовъ. Іоаннъ, по заявленію Писемскаго, «издавна жалуя англичанъ, какъ своихъ людей, намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елизаветою, дабы имѣть съ ней однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться, что королева можетъ ему содѣйствовать если не оружіемъ, то деньгами, что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній россійскихъ, требуетъ отъ нея снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинцу и всего нужнаго для войны». Этого хотѣлъ Іоаннъ, не менѣе хотѣлъ онъ и женитьбы на Маріи Гаппингсъ, разъ она окажется въ должной степени дородной и бѣлой. Писемскому устроили свиданіе съ принцессой, и онъ разсматривалъ ее во всѣхъ подробностяхъ, насколько разумѣется допускалъ скромный костюмъ ея. Впечатлѣніе, произведенное Маріей на посла, было повидимому въ ея пользу. Елизавета желала брака: дѣло улаживалось и разстроилось лишь потому, что невѣста, услышавъ «о свирѣпости вѣнценоснаго жениха, убѣдила королеву избавить ее отъ этой чести». Сватовство на Маріи не удалось. Не удался и союзъ съ Англіей — эта любимая мечта послѣднихъ дней жизни Іоанна. Смерть его приближалась, неожиданная какъ для него самого, такъ и для окружающихъ.

Вплоть до зимы 1584 г. Іоаннъ крѣпился и чувствовалъ себя почти здоровымъ. Его могучій организмъ выносилъ разврат и пьянство, выносилъ и муки самолюбія, обиженнаго неудачами войны. Царь, перешагнувъ за пятидесятилѣтній возрастъ, ни въ чемъ не думалъ мѣнять обычнаго своего времяпрепровожденія. Какъ и раньше, развлекался онъ казнями, какъ и раньше, служи... они

«восму сладострастію. Духъ его не угомонился; то же обостривнееся, даже тревожное безпокойство не давало спать ему по ночамъ, заставляя бродить цѣлыми часами по мрачнымъ комнатамъ дворца.

Зимою 1584 г. между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія появилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ. Царь, узнавъ объ этомъ, вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружавшимъ: «вотъ знаменіе смерти моей». Предчувствіе не обмануло его. Желая разсѣять тревогу, онъ созвалъ въ свой дворецъ астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, разыскавъ ихъ и въ Россіи, и Лапландіи, въ общей сложности до 60-ти человѣкъ, ежедневно посылалъ къ нимъ Бѣльскаго толковать съ ними о кометѣ, и скоро опасно занемогъ: вся внутренность его стала гнить, а тѣло—пухнуть. Астрологи предсказали ему смерть на 18-е марта; Іоаннъ приказалъ имъ молчать объ этомъ, угрожая въ случаѣ нескромности сожженіемъ. Февраль мѣсяцъ онъ перемогался еще, въ мартѣ ему уже пришлось отказаться отъ пріема литовскаго посла. Тогда же онъ приказалъ составить завѣщаніе и объявилъ Ѳеодора наслѣдникомъ, назначивъ на помощь ему совѣтъ изъ бояръ. Что-то доброе промелькнуло въ его сердцѣ въ эту торжественную минуту...

«Онъ изъявилъ благодарность всѣмъ Боярамъ и Воеводамъ; называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи Царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ, одержанныхъ надъ Ливонскими Рыцарями, надъ Ханомъ и Султаномъ; убѣждалъ Ѳеодора царствовать *благочестиво, съ любовію и милостію*; совѣтывалъ ему и пяти главнымъ Вельможамъ удаляться отъ войны съ Христіанскими Державами; говорилъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны Литовской и Шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ—отрезвился душею, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужденій».

Но это только «казалось», только «промелькнуло». Даже смерть, такъ ясно заявлявшая о своемъ приближеніи трупнымъ запахомъ разлагавшагося, хотя еще живого Царя, не могла справиться съ его неукротимой натурой. Разсказываютъ, что невѣстка, супруга Ѳеодора, подошла къ его постели и должна была убѣжать съ омерзѣніемъ отъ любострастнаго безстыдства Іоанна! Продолжались и казни.

17-го марта Іоанну стало лучше, и онъ, уже воспрянувъ духомъ, назначилъ день для пріема посла. Мало того, онъ заявилъ Бѣль-

скому: «объяви казнь лжецамъ астрологамъ: нынѣ по ихъ баснямъ я долженъ умереть, но я чувствую себя гораздо бодрѣе». Бодрость оказалась однако послѣдней судорогой уходившей жизни. Пробывши нѣсколько часовъ въ ваннѣ, Царь легъ на кровать, потомъ всталъ, спросилъ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постели, самъ разставилъ шашки, приглашая Бѣльскаго играть съ нимъ. Вдругъ онъ упалъ, чтобы больше не подниматься.

V.

Литература объ Іоаннѣ Грозномъ.

Мало въ русской исторіи личностей, которыя привлекали къ себѣ такое дружное вниманіе со стороны людей самыхъ различныхъ профессій, какъ личность Царя и великаго князя московскаго Іоанна IV-го Васильевича Грознаго. Ею занимались спеціалисты-историки, публицисты, драматурги, поэты, беллетристы, художники и скульпторы. Еще недавно И. Рѣпинъ написалъ свою знаменитую картину, гдѣ изобразилъ царя въ моментъ убіенія имъ старшаго сына. На виду у всѣхъ одна изъ лучшихъ статуй Антокольскаго—«Иванъ Грозный», драма Островскаго «Василиса Мелентьева»—хотя не часто, но все же дается на императорской сценѣ. Есть значитъ въ личности Грознаго что-то притягательное, способное возбуждать художественное воображеніе у лицъ самыхъ различныхъ наклонностей и темпераментовъ. Ради Грознаго Костомаровъ бросилъ даже тонъ и форму историка и перешелъ на беллетристику, въ результатѣ чего и появился всѣмъ извѣстный, хотя и неудачный «Кудеяръ». А сколько полемики возбуждалъ Грозный—это даже перечислить трудно. Что же, знаемъ ли мы его въ концѣ-концовъ, или нѣтъ? Казалось бы, странно даже ставить такой вопросъ. Работы такихъ историковъ, какъ Карамзинъ, Полевой, Костомаровъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, находятся передъ нами, но, какъ пошутилъ кто-то, «Грознаго все же нѣтъ, а есть Грозный Костомаровскій, Соловьевскій и т. д.». Разсматривая характеристики Грознаго, говоритъ Н. К. Михайловскій, совершенно независимо отъ большей или меньшей степени мастерства, съ которой онѣ написаны, вы поражаетесь ихъ разнообразіемъ: однѣ и тѣ же внѣшнія черты, однѣ и тѣ же рамки и при всемъ томъ совершенно таки разныя лица—то «падшій ангелъ», то просто злодѣй, то возвышенный и проницательный умъ, то ограниченный человѣкъ, то само-

стоятельный дѣятель, сознательно и систематически преслѣдующій великія цѣли, то какая-то утлая ладья, безъ руля и безъ вѣтровъ, то личность, недосягаемо высоко стоявшая надъ всей Русью, то, напротивъ, низменная натура, чуждая всѣмъ лучшимъ стремленіямъ своего вѣка. Нѣсколько разъ, именно послѣ появленія характеристики Аксакова и Соловьева, компетентные люди провозглашали, что «отнынѣ конецъ разногласіямъ въ оцѣнкѣ личности и дѣятельности Грознаго». Однако другіе, неменѣе компетентные люди немедленно же возставали противъ такихъ побѣдныхъ возгласовъ и выставляли вѣскія опроверженія и ограниченія. Въ результатѣ сумбуръ—въ большей или меньшей степени блестящій и остроумный, но все же ставящій внимательнаго читателя въ самое искреннее недоумѣніе.

Будетъ полезно напомнить главнѣйшія характеристики Грознаго, такъ какъ въ каждой изъ нихъ заключается доза истины.

Начнемъ съ князя *Щербатова*. Это историкъ XVIII вѣка. «Иванъ Грозный,—говоритъ онъ,—именитый въ земныхъ владыкахъ, но разумомъ, узаконеніями, честолюбіемъ, завоеваніями, потерями, гордостью, въ столь разныхъ видахъ представляется, что часто не единымъ человѣкомъ является». Въ этихъ словахъ прекрасно указана сложность натуры Грознаго, казнившаго послѣ молитвы и молившагося послѣ казни. Щербатовъ ставитъ Царя высоко, видитъ въ немъ «великій и проницательный разумъ», называетъ узаконенія «мудрыми», но рядомъ съ этимъ отмѣчаетъ другую черту «*низость сердца*». Эту низость сердца Іоаннъ сдерживалъ въ себѣ въ юности, но, утвердившись на престолѣ и утерявъ первую супругу Анастасію, далъ ей свободу, и передъ нами—всѣ ужасы второй половины его царствованія.

Честнѣе (въ научномъ смыслѣ слова, разумѣется) другихъ историковъ отнесся къ Грозному Карамзинъ. Не пускаясь въ мудрствованія лукавыя, оградивъ свои выводы стройнымъ рядомъ окоповъ изъ всѣхъ доступныхъ ему документовъ,—Карамзинъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ не понималъ, прямо и откровенно сознавался въ этомъ. Въ общемъ характеристика его сводится къ слѣдующему:

Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ не имѣлъ «мудраго пестуна», а попалъ въ руки развратителей. Такое воспитаніе привело къ нему пороки, встрѣчавшіе со стороны окружающихъ лишь низкое поощреніе. Такъ росъ и выросъ Иванъ IV и, достигши возмужалости, женился. Мало что предвѣщало въ немъ мудраго царя, и даже бракъ на добродѣтельной Анаста-

сіи нисколько не урезонилъ его: продолжались прежнія буйства и прежнее нерадѣніе въ дѣлахъ государственныхъ. Насталъ однако 1547 годъ. Страшный погромъ истребилъ большую часть Москвы, измученная страданіями чернь взбунтовалась, перебила царскихъ родственниковъ. «Въ сіе ужасное время, когда Іоаннъ трепеталъ въ воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода... Сильвестръ потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ юноши и произвелъ *чудо:* Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ». Начинается счастливый періодъ его царствованія, ознаменованный рѣчью на Лобномъ мѣстѣ, изданіемъ «Судебника» и т. д. Но «счастье не продолжительно». Въ 1560 г. умерла Анастасія, а вмѣстѣ съ нею исчезла и добродѣтель Іоаннова. «Здѣсь,—говоритъ Карамзинъ,—конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи, ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели». Онъ превращается въ тирана, и порою Карамзинъ не находитъ даже словъ, чтобы заклеймить его жестокости. Въ «тиранствѣ» Грозный пребываетъ до самой смерти.

Несомнѣнно, что для Карамзина Грозный—неразрѣшимая психологическая задача, странная смѣсь добра и зла, тиранъ, поражающій его то своею жестокостью, то малодушіемъ, то проницательностью, то полнымъ затмѣніемъ мысли. *Полной* и стройной характеристики Карамзинъ не далъ: различныя формы, черезъ которыя проходитъ личность Іоанна, охарактеризованы имъ великолѣпно, но органически эти формы не связаны между собою: переходы отъ распутства къ добродѣтели и обратно не выяснены, случайны и даже чудесны. Но все-же для изученія Грознаго Карамзинъ сдѣлалъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой, и его искреннее «не понимаю» равняется многимъ блестящимъ характеристикамъ. Не понимать многаго изъ жизни и дѣятельности приходится и теперь, — въ чемъ прямо и непосредственно виновата русская исторія, какъ наука.

Полевой выдвигаетъ на сцену факторъ наслѣдственности: «Соображая жизнь, дѣла, слова Іоанна,—говоритъ онъ, —видимъ, что сынъ Василія и внукъ Іоанна III *имѣлъ всѣ недостатки отца и дѣда* (вспыльчивость, жестокость, трусливость и пр.), уступая послѣднему въ самобытности характера и обширномъ умѣ, не имѣя нѣжности душевной, свойственной послѣднему. Вспомнимъ жестокость, суровость Іоанна III, склонность къ забавамъ и нѣголюбіе Василія. Въ Іоаннѣ IV соединилось то и другое. И такой характеръ былъ испорченъ несчастнымъ воспитаніемъ, пріучившимъ его

къ двумъ противоположностямъ: своеволію и самовластію и въ то же время къ послушанію людямъ, превосходившимъ его умомъ, дарованіемъ, хитростью, умѣвшимъ искусно завладѣть имъ. Такъ, въ юности своей Іоаннъ подчинялся Глинскимъ, казня Шуйскихъ; покорствовалъ впослѣдствіи клевретамъ своимъ, казня доблестныхъ совѣтниковъ; унижался передъ Баторіемъ, терзая Магнуса и Ливонію. Привыкая повиноваться, онъ готовъ былъ страшно мстить своему повелителю, когда сознавалъ свою зависимость. Самая любовь его къ Анастасіи не походила ли болѣе на привычку повиноваться волѣ человѣка, котораго достоинства умѣлъ онъ оцѣнить... Послѣ смерти Анастасіи, разрыва съ Сильвестромъ и Адашевымъ и свиданія съ Вассіаномъ—инокомъ, рекомендовавшимъ ему не держать возлѣ себя совѣтниковъ умнѣе себя, «поступки Іоанна постепенно становились самовластительнѣе, мало по малу отвыкалъ онъ отъ послушанія совѣтамъ другихъ, противился предпріятію правителей противъ Крыма и вопреки всѣмъ увѣщаніямъ началъ Ливонскую войну. Онъ увѣрился въ себѣ, пересталъ вѣрить имъ. Оставалось ударить роковому часу перелома и душой Іоанна овладѣть пороку и страстямъ. Насталъ сей часъ, и тогда все погибло въ одно мгновеніе: счастіе, слава Іоанна, Адашева и Сильвестра. Но слѣды сего находимъ далеко прежде». Полевой смотритъ на Іоанна прежде всего какъ на человѣка слабаго, несамостоятельнаго.

Апологія Грознаго, какъ это ни странно, началась лишь со времени *Бѣлинскаго*. «Таковъ Іоаннъ,—пишетъ послѣдній,—эта была душа энергическая, глубокая, титаническая. *Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы убѣдиться въ этомъ*». И дальше: *Іоаннъ былъ падшій ангелъ*, который и въ паденіи своемъ по временамъ обнаруживаетъ и силу характера желѣзнаго, и «силу ума высокаго». На оцѣнку Бѣлинскаго положиться очень трудно, совершенно даже невозможно: нашъ знаменитый критикъ мало былъ знакомъ съ исторіей и личное иногда минутное настроеніе слишкомъ много значило въ его рецензіяхъ и характеристикахъ.

Кавелинъ пошелъ еще дальше. Бѣлинскій удивляется силѣ Іоанна, Кавелинъ—его государственной мудрости и чуть ли не впервые сравниваетъ Іоанна съ Петромъ: «Оба,—говоритъ Кавелинъ,—равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими и достойнѣйшими ея представителями. Но Іоаннъ сознавалъ ее, какъ поэтъ, Петръ—какъ человѣкъ по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ *воображеніе*, у втораго—*воля*. Время и усло-

вія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, чѣмъ преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать, борясь съ ней на смерть много лѣтъ, и не видя ея результатовъ, не находя отзыва, онъ утерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Кавелинъ доходитъ до оправданія опричины.

Не знаю, что видитъ читатель въ фразахъ Кавелина, но я въ нихъ ничего не вижу, кромѣ громкихъ словъ. Любопытно однако, что̀ собственно заставило Кавелина такъ ласково и почтительно отнестись къ Грозному? «Кто знаетъ,—говоритъ Кавелинъ,—любовь Грознаго къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ не скажетъ, что опричина—зло. Опричина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество: на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства». Что Іоаннъ выдвигалъ на сцену мизинныхъ людей—это несомнѣнно. Но чтобы такова была программа его царствованія, сомнѣваться въ этомъ не только можно, но и должно. Особенно любопытно, что Кавелинъ во всемъ винитъ *среду*, которая-де и погубила Іоанна. Насколько эта среда была лучше при Петрѣ послѣ всѣхъ ужасовъ XVII-го вѣка? Подобнаго сравненія Кавелинъ однако не дѣлаетъ, отчего вся его аргументація оказывается на воздухѣ. Неужели среда съ Адашевымъ, Курбскимъ, митрополитомъ Филиппомъ, всенародными человѣками, собиравшимися на земскихъ соборахъ, была такъ губительна? Неужели она не руководительствовала Іоанномъ, не возставала противъ жестокостей его, не указывала вѣрнаго пути? Но что Іоаннъ *презиралъ* и *ненавидѣлъ среду, въ которой онъ жилъ*,—въ этомъ г. Кавелинъ правъ, и это мы запомнимъ.

Въ VI-мъ томѣ своей знаменитой «Исторіи» Соловьевъ выставляетъ Грознаго представителемъ чистой государственной идеи. Признавая, что Грозный былъ испорченъ воспитаніемъ, Соловьевъ старается однако по возможности обѣлить и возвысить его: «Голова ребенка,—говоритъ историкъ,—была постоянно занята мыслью о

борьбѣ съ боярами, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. *Пытливый* умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностью прочелъ все, что могъ прочесть, изучалъ церковную исторію, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцовъ. Но во всемъ, что ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбой, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, и доказательствъ своей власти противъ беззаконныхъ мѣръ, отнимавшихъ ее у него. Испорченный въ дѣтствѣ, онъ прежде всего проявилъ свои права жестокою казнью Шуйскаго. Мало того, желая разъединить боярство и народъ, союзъ котораго выразился въ бунтѣ черни противъ Глинскихъ, онъ созвалъ знаменитый соборъ, на которомъ объявилъ бояръ, какъ собственными врагами, такъ и врагами государства. Признавая вліяніе Сильвестра, Соловьевъ отводитъ ему второстепенную роль, стараясь выгородить самостоятельность Царя, которой отличался «сильной не по лѣтамъ степенью развитія ума и воли». Изданіе—Судебника», «Стоглава», Казанскій походъ— все это, по крайней мѣрѣ иниціативу всего этого, Соловьевъ приписываетъ Іоанну. Почему-же послѣдній вдругъ такъ рѣзко измѣнился?—Онъ извѣрился въ преданность совѣтниковъ, а также и въ ихъ проницательность. Когда онъ замышлялъ походъ на Ливонію, или требовалъ похода на Крымъ, и бояре противились тому и другому, не понимая его замысловъ, предвосхитившихъ замыслы Петра, — это доказало ему ихъ непроницательность; во время болѣзни, такъ какъ многіе изъ рады отказались присягнуть сыну его Дмитрію, — они, по мнѣнію Іоанна, доказали неискренность своей привязанности. Душа Царя омрачилась. Начались казни. Но и эти казни все-же служили цѣли, поставленной себѣ Іоанномъ. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы дать торжество государству и государственному началу, сломить и уничтожать вольный боярскій и дружинный духъ, искоренить послѣдніе слѣды мѣстной независимости или даже самую тѣнь ея.

По Соловьеву, Грозный является передъ нами исторической личностью, предшественникомъ Петра въ своихъ замыслахъ сблизиться съ Европой, человѣкомъ проницательнаго ума и сильной воли, котораго однако не оцѣнили и не поняли среда и приближенные. Жестокость объясняется какъ результатъ дурного воспитанія: не смотря на нее, заслуги Грознаго громадны. Строй дружинной удѣльной Руси далъ въ царствованіе Грознаго послѣднюю отчаян-

ную битву крѣпнувшей монархической власти, и эта послѣдняя побѣдила. Грозный создалъ единое, нераздѣльное государство, родовое начало было уничтожено, всѣ были объявлены слугами государства.

Соловьеву отвѣчали Погодинъ и Аксаковъ.

Погодинъ считаетъ планы Грознаго неоригинальными. Онъ шелъ лишь по дорогѣ, указанной его дѣдомъ, который сдѣлалъ гораздо больше; Грозный затѣмъ стремился не къ торжеству монархіи, а слѣпого, личнаго произвола. Вообще же о мѣрахъ Іоанна Погодинъ отзывается такъ: «Что есть въ нихъ высокаго, благороднаго, прозорливаго, государственнаго? Злодѣй, звѣрь, говорунъ-начетчикъ съ подъяческимъ умомъ и только. Надо же вѣдь, чтобы такое существо, какъ Іоаннъ, потерявшее даже образъ человѣческій, не только высокій ликъ царскій, нашло себѣ прославителей!

Аксаковъ охарактеризовалъ личность Грознаго въ высшей степени оригинально: «Бояре, по Аксакову, даже и не боролись съ царемъ, а противоставляли ему одно терпѣніе. Всѣ жестокости истекали изъ личной натуры царя. Что же это была за натура? Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали своей внѣшнеи красотой; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшной картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей для души человѣка. Съ одной стороны оно не допускаетъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго или хотя имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно: онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отчего и въ исторіи, и въ частной жизни встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ напр. плачетъ умильными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, а въ то-же время мучаетъ и терзаетъ ближняго; и онъ не обманываетъ: эти слезы непритворны, но онъ тронутъ, какъ художникъ, съ художественной стороны, а одно это еще ничего не значитъ и на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро для него само по себѣ вещь слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій красоту добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло, самое добро ему не нужно

и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно, хорошо и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ-же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откладываетъ, тотъ едва-ли можетъ исправиться. Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту въ самомъ дикомъ и низкомъ явленіи. Аксаковъ впрочемъ оговаривается, что конечно не одна эта художественность опредѣляла поступки Іоанна IV, что были въ его душѣ и другіе двигатели, но художественность играла все таки большую роль. Жестокій уже въ дѣтствѣ, Іоаннъ подавлялъ свою страстную натуру при Сильвестрѣ и Адашовѣ, хотя никогда не былъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, а затѣмъ онъ избавился отъ своихъ совѣтниковъ, сбросивъ съ себя нравственную узду стыда. Званіе царя слилось въ его понятіи съ произволомъ, и этотъ произволъ явилъ полное отсутствіе воли въ человѣкѣ, ибо отсутствіе воли и необузданная воля—это все равно.

Не считаю нужнымъ останавливаться на взглядахъ Костомарова, который въ данномъ случаѣ явился продолжателемъ Карамзина. Его характеристика однако строже и выдержаннѣе и, если можно такъ выразиться, еще болѣе уничижительна. Грозный—труслывъ, малодушенъ; всякій, кому не лѣнь, руководитъ имъ; никакихъ государственныхъ замысловъ и программъ въ его головѣ нѣтъ, есть лишь прихоти и капризы безумной, жестокой натуры, любящей театральные эффекты и т. д. Пропускаю и мнѣніе Бестужева-Рюмина, какъ близко примыкающее къ мнѣнію С. Соловьева.

Итакъ, не правъ-ли Щербатовъ, говоря, что «Грозный въ толь разныхъ видахъ представляется, что часто не умнымъ человѣкомъ является!» И такъ, не только въ жизни, но и въ литературѣ, гдѣ рядъ такихъ остроумнѣйшихъ характеристикъ мало выясняетъ дѣло, а иногда просто запутываетъ его.

Читатель, полагаю, замѣтилъ, что главныя пререканія между историками сосредоточились возлѣ двухъ крупныхъ вопросовъ: «была-ли у Іоанна самостоятельная воля и можно-ли считать его дѣятельность проникнутой государственной идеей?» Очевидно, что характеристика Грознаго можетъ быть дана лишь послѣ того, какъ оба эти вопроса будутъ досконально вырѣшены. Но разсчитывать, что это можетъ быть сдѣлано сейчасъ-же, невозможно и неосно-

вательно. Что, напр., знаемъ мы о Сильвестрѣ, Адашевѣ и избранной радѣ? Кое-что мы разумѣется знаемъ, но это «кое-что» незначительно. Одинаково трудно опредѣлить, къ чему сводилось вліяніе Анастасіи и какимъ образомъ вліяніе это дѣйствовало въ томъ же направленіи, какъ и избранной рады, хотя царица не долюбливала ея и даже враждовала съ нею? По поводу боярскихъ притязаній въ XVI-мъ вѣкѣ еще и теперь идутъ серьезнѣйшія пререканія; одни эти притязанія отрицаютъ, другіе преувеличиваютъ ихъ до такой степени, что русское боярство оказывается чуть-ли не англійской аристократіей! Если же мы такъ плохо знаемъ исторію той эпохи, среди которой жилъ и дѣйствовалъ Грозный, то, на время по крайней мѣрѣ, мы принуждены отказаться отъ претензій на полную и истинную его характеристику. Но если такая характеристика является идеаломъ, то все, что содѣйствуетъ ей, все, что открываетъ въ характерѣ Грознаго новыя незамѣченныя еще стороны, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Позволю себѣ поэтому привести характеристику Н. К. Михайловскаго, очень оригинальную и дѣлающую несомнѣнно большой шагъ впередъ въ интересующемъ насъ вопросѣ.

«Одинъ изъ предковъ Ивана IV, великій князь Василій Дмитріевичъ, хорошо выразилъ программу всѣхъ владыкъ московскихъ въ словахъ, сказанныхъ имъ митрополиту Кипріану: «вы поставлены къ миру и любви учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситися». Иванъ IV лишь придалъ особенную, правово-безумную цвѣтистость этой программѣ. Въ немъ дѣйствительно билась отмѣченная К. Аксаковымъ художественная жилка, отвлеченно художественная, лишенная всякой нравственной основы и часто «имѣніе собирати и возноситися» ему было мало. Нужны были еще блескъ, картинность, художественное упоеніе величія. Но главнымъ опредѣляющимъ факторомъ жизни и дѣятельности Грознаго была все-таки не художественность натуры, а несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомѣрной властью, недаромъ пугавшею современниковъ». И дальше: русскій *психіатръ*, который пожелалъ бы заняться, нашелъ бы прежде всего въ его повидимому врожденной кровожадности (еще ребенкомъ онъ занимался мучительствомъ животныхъ), въ несомнѣнномъ слабоуміи его брата Юрія, въ жестокости его старшаго, убитаго имъ, сына Іоанна, въ скудоуміи его другого сына Ѳеодора—намекъ на *отягченную психопатическую наслѣдственность*. Затѣмъ хотя историки-апологеты ищутъ и находятъ оправданіе подозрительно-

сти Іоанна въ поведеніи и настроеніи бояръ, но нѣкоторыя его выдумки въ этомъ отношеніи отмѣчены уже несомнѣнною печатью безумія. Таково, напр., его намѣреніе бѣжать въ Англію, для чего онъ даже вступалъ въ спеціальные переговоры съ королевою Елизаветою, жалуясь на измѣны и заговоры, не дающіе ему спокойно жить въ Россіи. Таково его завѣщаніе 1579 г. Только что разгромивъ Новгородъ и Псковъ, совершивъ казни въ Москвѣ, Грозный пишетъ въ завѣщаніи: «изгнанъ я отъ бояръ ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ». Это не простая ложь, это *явная манія преслѣдованія.* Вообще въ цѣломъ рядѣ поступковъ Ивана IV, въ которыхъ историки-апологеты старательно разыскиваютъ слѣды великихъ государственныхъ плановъ,— спеціалистъ-психіатръ, я увѣренъ, найдетъ лишь слѣды разстроеннаго духа.

Дальше г. Михайловскій говоритъ о томъ, что слабая голова Іоанна не выдержала величія власти и помрачилась. Ходъ психологическаго развитія Грознаго характеризуютъ такимъ образомъ: «Грозный былъ великимъ княземъ, хотя и номинальнымъ, съ трехъ лѣтъ. Бояре, правда, дѣлали что хотѣли, но и ему предоставляли дѣлать, что онъ хочетъ, поощряя его повидимому отъ природы дурныя наклонности и тѣмъ окончательно разслабляя его и такъ уже слабую волю. Митрополиту Макарію, Сильвестру, избранной радѣ удалось погнуть эту слабую волю въ добрую сторону, внушивъ Ивану высокое понятіе объ обязанностяхъ христіанскаго государя—предоставивъ его несомнѣннымъ ораторскимъ дарованіямъ блестящее поприще на Лобномъ мѣстѣ передъ боярами, на Стоглавомъ соборѣ, подъ Казанью. Иванъ тѣшился этой ролью: Русь крѣпла, росла, но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и непомѣрная гордость Іоанна. Возносенный удачами, лестью, собственными аппетитами превыше всѣхъ земнородныхъ, сравниваемый то съ Августомъ, то съ Константиномъ Великимъ, Иванъ въ одинъ несчастный для Россіи день понялъ, что не онъ былъ иниціаторомъ совершившихся высокихъ дѣлъ, что онъ совершилъ ихъ по указкѣ попа Сильвестра и «собаки-Адашева» съ братіей. Понятны страшные взрывы его гнѣва. Конечно онъ тотчасъ же попалъ подъ другія вліянія. Эти вліянія уже не звали его къ великимъ дѣламъ, но не мѣшали ему лично возноситься надъ несчастной Русью. Въ его развинченной душѣ не осталось ничего, кромѣ идеи, и даже не идеи, а ощущенія всемогущества, которому онъ приносилъ въ жертву все. Каждая мелькнувшая въ головѣ мысль или внушенная какимъ-нибудь Басмановымъ,

превращалась Грознымъ немедленно въ дѣйствіе, минуя всякіе задерживающіе центры. Гнѣвъ на сына въ ту же минуту разрѣшается убійственнымъ ударомъ костыля. Дикая фантазія посадить на престолъ всея Руси татарина Симеона Бекбулатовича тотчасъ же осуществляется. Взглядъ на красивую женщину—и она становится его второю, третьею, пятою, седьмою женой. Польза и нужды молодого, объединеннаго государства не существуютъ. Девлетъ-Гирей сожигаетъ Москву, Баторій наноситъ русскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ, а Царь хлопочетъ только о томъ, чтобы уколоть Баторія его малымъ королевскимъ достоинствомъ, добиваетъ недобитыхъ воеводъ и совѣтниковъ, замѣняя ихъ шпіонами, грабителями и кровопійцами. Добиваетъ же онъ не потому, что они измѣнники, даже не по той причинѣ, по которой онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему въ подарокъ отъ шаха слона. Слонъ пострадалъ за то, что заупрямился встать передъ русскимъ Царемъ на колѣна, а бояре и народъ дѣлали это охотно. Доставалось отъ Грознаго сѣрому народу, но боярамъ доставалось дѣйствительно больше, единственно однако потому, что *они были видны, цѣтные*, все равно какъ Калигула ненавидѣлъ высокихъ людей: они просто бросались въ глаза. Если же Грозный создалъ легенду о принципіальной борьбѣ съ боярами, то извѣстно, что маньяки иногда подъискиваютъ чрезвычайно замысловатыя объясненія для своихъ поступковъ, совершенно безсмысленныхъ... Есть однако и важное различіе между римскимъ тираномъ и Иваномъ. Исторія не оставила намъ никакихъ слѣдовъ тому, чтобы Каллигула или Неронъ угрызались когда-нибудь совѣстью. Грознаго же эта страшная гостья посѣщала. Наглотавшись крови и чувственныхъ наслажденій, Грозный временами каялся, надѣвалъ смиренную одежду, молился за убіенныхъ. Можетъ быть здѣсь была извѣстная доза лицемѣрія или все той же душевной развинченности... Какъ бы то ни было, Грозный шатался изъ стороны въ сторону, отъ грѣха—къ покаянію.

VI.

Заключеніе.

Г. Михайловскій поставилъ вопросъ о личности Грознаго на новую и оригинальную почву. Онъ разсматриваетъ Ивана прежде всего какъ болѣзненную натуру, какъ маньяка, какъ человѣка безъ воли, который страдаетъ отсутствіемъ задерживающаго начала внутри

себя. Однако аргументація г. Михайловскаго особенной полнотой не отличается, и болѣе точный психіатрическій анализъ необходимъ. Въ ожиданіи его со стороны людей свѣдущихъ позволю собрать во едино разбросанныя по книгѣ замѣчанія и обрисовать личность Грознаго, насколько я ее понимаю.

Полевой, замѣчательная исторія котораго, кстати сказать, такъ незаслуженно забыта нами, первый заговорилъ о наслѣдственныхъ элементахъ въ характерѣ Грознаго. Жестокость дѣда, безъ его сильнаго ума, нѣга и сластолюбіе отца — таковы, по мнѣнію Полевого, опредѣляющіе элементы наслѣдственности. Мнѣ бы хотѣлось прибавить къ этому блестящую, но не глубокую и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкую натуру матери, о которой, правда, мы знаемъ маловато, но кое-что все же знаемъ. Въ Еленѣ Глинской было много лоску, легкомыслія, много жестокости наконецъ, уживавшейся однако съ извѣстной мягкостью сердца. Быть можетъ ей обязанъ Грозный подвижностью ума, игривой и быстро возбуждающейся фантазіей, что дѣлаетъ его такъ непохожимъ на мало подвижныхъ и тяжелыхъ даже князей-хозяевъ московскихъ. Эти качества отличали Грознаго не только отъ его предковъ, но и отъ современниковъ, которыхъ онъ и презиралъ за ихъ глупость, вѣрнѣе за ихъ умственную сонливость. Грозный былъ краснорѣчивъ, трудно сомнѣваться, что у него былъ настоящій ораторскій и діалектическій талантъ, немало остроумія, остроумія однако поверхностнаго и дѣлавшагося страшнымъ лишь въ припадкахъ гнѣва. Гораздо важнѣе отмѣтить, что наслѣдственность Ивана IV была болѣзненной. Не знаю, возможно ли это оспаривать? Кто же не знаетъ, что братъ его Юрій «слабоуменъ бысть», а всѣ дѣти — Іоаннъ, Өедоръ, царевичъ Димитрій, страдавшій вѣроятно эпилептическими припадками, — ненормальными. Іоаннъ отличался жестокостью и сладострастіемъ; Өедоръ управленію государствомъ предпочиталъ занятія пономаря; Димитрій часто падалъ въ судорогахъ съ пѣной у рта. Такіе факты психіатръ не можетъ оставить безъ вниманія. И трудно на самомъ дѣлѣ всю жестокость Грознаго выводить изъ воспитанія и только однимъ имъ объяснять ее. Она проявилась слишкомъ рано, сначала въ мучительствѣ надъ животными, потомъ — надъ людьми. Мерзость воспитанія, полученнаго Грознымъ, упала на готовую почву и, соединившись съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, создала невиданную свирѣпость палача-художника, пытавшаго и казнившаго, какъ артистъ и любитель. Оттого ничто не могло успокоить Іоанна, ничто не могло умиротворить его. Но жестокость — далеко не единственный признакъ болѣзни. Къ ней

надо прибавить указанное выше эротическое изступленіе, что идетъ обыкновенно рука объ руку. Напоминать ли читателю Нерона и Калигулу, Геліогабала и Каракаллу, этихъ всѣмъ извѣстныхъ мучителей и сластолюбцевъ; напоминать ли ему героевъ Достоевскаго, у которыхъ сладострастіе и жестокость всегда такъ тѣсно связаны между собою? Насколько я знакомъ съ психопатологіей (а я не спеціалистъ), то для меня очевидно, что и эротическія аномаліи, и жестокость находятся между собою въ непосредственной причинной зависимости. Ее можно было бы подтвердить многочисленными примѣрами, но всѣ эти примѣры настолько грязны, что я предпочитаю этого не дѣлать и отошлю читателя или къ спеціальнымъ сочиненіямъ по психіатріи или, что проще еще, къ «Братьямъ Карамазовымъ» Достоевскаго, гдѣ близкій союзъ этихъ обоихъ противоестественныхъ качествъ, указанъ въ яркихъ художественныхъ образахъ. Какъ это ни странно, но теперь какъ разъ будетъ умѣстно задать себѣ вопросъ о религіозности царя Ивана. Религіозность религіозности рознь. Передъ одной мы преклоняемся, затрудняясь найти болѣе высокое проявленіе человѣческаго духа, другая вызываетъ въ насъ и не можетъ не вызвать самаго искренняго отвращенія, иногда жалость. Въ религіозности Грознаго я не сомнѣваюсь и думаю, что бывали минуты, когда онъ какъ нельзя болѣе искренно клалъ земные поклоны до синяковъ и ранъ на лбу, подавалъ поминаніе о душахъ усопшихъ и убіенныхъ, наивно предоставляя Господу Богу сосчитать ихъ и самъ отказываясь отъ такой мудреной задачи. Да, были такія минуты, какъ бывали минуты покаянія и угрызеній совѣсти. Правда, въ религіозности Грознаго много формализма. Эта черта тонко подмѣчена еще Карамзинымъ, который пишетъ: «Платонъ говоритъ, что есть три рода безбожниковъ: одни не вѣрятъ въ существованіе боговъ, другіе воображаютъ ихъ безпечными и равнодушными къ дѣяніямъ человѣческимъ, третьи думаютъ, что ихъ всегда можно умилостивить легкими жертвами или обрядами благочестія.—Іоаннъ и Людовикъ принадлежали къ сему послѣднему разряду безбожниковъ». Думаю, что не только *это*, хотя въ защиту мнѣнія Карамзина можно привести достаточное число фактовъ, напримѣръ, убивъ сына, Грозный прежде всего отправилъ 10,000 рублей въ Константинополь, чтобы греческіе монахи во главѣ съ патріархомъ замолили грѣхъ его, самъ онъ во время пребыванія въ Александровской слободѣ почти безвыходно находился въ церкви. Все это такъ; но во-первыхъ благочестіе XVI-го вѣка неразрывно соединено съ формой, а во-вторыхъ, какъ бы грубо ни понималъ Грозный Божество, отрицать

мистическихъ эмоцій въ его душѣ у насъ нѣтъ никакого основанія. Напротивъ, у насъ есть полное основаніе признавать ихъ. Изъ психопатологіи извѣстно, что эротическія аномаліи и мистическій *ужасъ* сродни другъ другу, и это опять таки драгоцѣнное указаніе науки. Не буду объяснять, *какъ* и *почему* сродни, достаточно привести фактъ, если и не общепризнанный, то все же не разъ констатированный самыми остроумными авторитетами. Разумѣется, *такая* религіозность нисколько не мѣшала жестокости Грознаго, ему случалось давать свирѣпыя распоряженія въ самой церкви, во время службы; его казни начинались обыкновенно молебнами и заканчивались панихидами. Но вѣдь такая религіозность порывистая, экзальтированная и мѣшать-то ничему не можетъ, какъ не можетъ мѣшать жестокости *пониманіе* того, что хорошо, что дурно, если въ душѣ человѣка нѣтъ нравственнаго чувства любви и состраданія къ ближнему. Отсутствіе такого нравственнаго чувства у Грознаго несомнѣнно. Видя передъ собой Шибанова, вполнѣ признавая благородство и героизмъ его поступка, Грозный однако отправляетъ его въ застѣнокъ и подвергаетъ всѣмъ ужасамъ муки. Ни прощать, ни миловать Грозный не умѣлъ, хотя разумѣется могъ бы по поводу милости произнести блестящую рѣчь, подкрѣпивъ ее многочисленными цитатами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Всего естественнѣе предположить, что источникомъ всѣхъ этихъ указанныхъ аномалій характера, прекрасно уживавшихся съ остротой и проницательностью ума, является та форма душевнаго разстройства, которая извѣстна въ наукѣ подъ именомъ «moral insanity» — «нравственная» болѣзнь. Достаточно нѣсколькихъ строкъ, чтобы ознакомить съ нею читателя. Каждому приходилось сталкиваться съ людьми, которые въ умственномъ отношеніи представляются совершенно здоровыми, прекрасно понимаютъ, что хорошо и что дурно, и вмѣстѣ съ тѣмъ способны совершить рядъ самыхъ безнравственныхъ поступковъ. Пониманіе добра и зла является въ этомъ случаѣ такимъ же чисто умственнымъ процессомъ, какъ рѣшеніе геометрической задачи. Этотъ процессъ совершается правильно, иногда — даже блестяще, по всѣмъ законамъ логики, но онъ нисколько не захватываетъ ни чувства, ни нравственныхъ инстинктовъ. Въ этомъ-то все и горе, такъ какъ процессъ, являясь чисто формальнымъ, не можетъ тѣмъ самымъ оказывать ни малѣйшаго вниманія на поступки человѣка. Онъ весь сосредоточенъ въ области мысли, разсужденія. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что даже мотивъ безнравственнаго поведенія является непонятнымъ, опредѣляющимъ моментомъ является случайно промелькнувшій капризъ или при-

хоть. Впервые такого рода нравственное помѣшательство было научно констатировано въ началѣ нынѣшняго вѣка Пинеломъ, который и назвалъ его «manie sans délire» —манія безъ галлюцинацій, хотя въ осложненной формѣ галлюцинаціи могутъ и быть. Ричардсъ, англичанинъ, опредѣлилъ эту психическую болѣзнь терминомъ «moral insanity». Въ пятидесятыхъ годахъ французскій ученый Морель впервые заговорилъ о вырожденіи, дегенераціи и цѣлымъ рядомъ наблюденій показалъ, что люди, страдающіе нравственнымъ помѣшательствомъ, представляютъ собою одинъ изъ характерныхъ видовъ вырожденія. Благодаря этому элементу наслѣдственности, нравственное помѣшательство можно наблюдать уже въ раннемъ возрастѣ: дѣти, страдающія имъ, отличаются удивительной жестокостью, мучаютъ животныхъ, не питаютъ ни къ кому привязанности (въ лучшемъ случаѣ привычку) и доставляютъ много тяжелыхъ минутъ окружающимъ. Въ школьномъ возрастѣ они обыкновенно плохо ведутъ себя и плохо учатся. *Но особенно опасны они, когда наступаетъ время половой зрѣлости.* Тутъ такого рода юноши сплошь и рядомъ совершаютъ цѣлый рядъ проступковъ, а иногда и преступленій. Они живутъ для одной цѣли — доставить себѣ наслажденіе, а какими средствами достигнуть ее — имъ это безразлично. Оно и понятно: «moral insanity» по своимъ проявленіямъ является возвратомъ къ чисто животному эгоизму. Мнѣ думается, что портретъ больного, нарисованный наукой, довольно точно совпадаетъ съ портретомъ Грознаго, нарисованнымъ исторіей. На лицо у насъ всѣ нужные элементы. Напомню читателю еще разъ невѣроятную повышенную нервную энергію Грознаго, которая одна бы могла убѣдить насъ въ болѣзненномъ разстройствѣ его души. Муки пресыщенія Грозный зналъ, но онъ зналъ и муки неудовлетворенности, то безпокойное, вѣчно тревожное состояніе духа, которое такъ хорошо извѣстно всѣмъ внимательно наблюдавшимъ душевнобольныхъ. Это предсердечная тоска — страшная вещь, человѣкъ мечется озлобленный, раздраженный, не зная, какъ утишить безпокойство своего духа, какъ забыться. Грозный утѣшался пытками.

Но онъ находился еще и въ исключительныхъ обстоятельствахъ: онъ былъ царь, превосходившій объемомъ своей власти всѣхъ монарховъ Европы, кромѣ развѣ турецкаго султана,и это также необходимо отмѣтить, чтобы объяснить его ультра-жестокости. Какъ могла вліять на него среда? Въ дѣтствѣ она систематически развращала его. Онъ попалъ въ обстановку, гдѣ было гораздо больше самаго откровеннаго и безцеремоннаго холопства, чѣмъ героизма и

строгости. Прославлявшіеся когда-то нравы XVI-го вѣка отличались, какъ это теперь извѣстно, большой распущенностью и сластолюбіемъ. Зло окружало Грознаго: слѣдуя предрасположенію, онъ впитывалъ его въ себя, какъ воду губка, и останавливался въ служеніи ему никогда неудовлетворенный, иногда лишь пресыщенный. Ему все покорствовало, какъ азіатскому деспоту. «If he bid any of his Dukes goe they woll run» (если онъ приказываетъ кому-нибудь изъ бояръ идти, они бѣгутъ), какъ картинно выражается *Hakuyt*. Іоаннъ пользовался въ Россіи властью большей, чѣмъ какой-нибудь изъ современныхъ ему правителей. На любовь, преданность, страхъ, лицемѣріе и холопство онъ отвѣчалъ однимъ презрѣніемъ. Это тѣмъ естественнѣе, что «moral insanity» всегда сопровождается маніей величія (mania grandiosa), даже у обыкновенныхъ смертныхъ, что же говорить о смертныхъ необыкновенныхъ, поставленныхъ, благодаря своему происхожденію, въ совершенно исключительныя условія? Я упоминалъ уже о той искусственности даже, съ какой Грозный хотѣлъ возвысить себя надъ окружающей его русской средой. Вѣроятно искренно производилъ онъ свою власть отъ Августа, свой родъ—отъ выходцевъ римскаго императорскаго дома въ Пруссіи. Иногда онъ называлъ себя нѣмцемъ.

Во всѣхъ этихъ странностяхъ виновато не только особенное, неумѣренно высокое представленіе Іоанна о собственной власти, но и отличительныя черты его характера. Замѣтимъ мимоходомъ, что Неронъ, римскіе цезари также чувствовали большое презрѣніе къ средѣ: особенно оно было ясно у Нерона, у котораго также была артистическая натура. Грозный и въ этомъ похожъ на него. Не глубокій, но проницательный умъ, ловкій, иногда остроумный діалектикъ, человѣкъ, обладавшій большой памятью—Грозный, видя передъ собой бояръ тяжелыхъ умомъ и малоповоротливыхъ, легко проникая въ мелкія души, что и вообще-то нетрудно, ощущалъ постоянные приливы тщеславія, гордости, презрѣнія. Его слабая голова не выдержала ни величія власти, ни внѣшняго блеска собственной натуры, ни удачъ, такъ щедро сыпавшихся на него въ юности; онъ обоготворилъ себя, по крайней мѣрѣ въ собственномъ воображеніи. Это боготвореніе должно было постоянно проявляться. Оно и проявлялось между прочимъ и въ той тяжелой мрачной подозрительности, которая подъ конецъ жизни Грознаго превратилась въ постоянную, назойливую мысль о мятежахъ, измѣнѣ, преслѣдованіяхъ. Для этого больному уму совсѣмъ не надо было многихъ фактовъ, достаточно было *нѣкоторыхъ*, а они случались. Прино-

мнимъ бунтъ черни, измѣну и бѣгство Курбскаго и Вишневецкаго, братьевъ Черкасовыхъ. Грозный боялся и постоянно экспериментировалъ надъ преданностью окружающихъ.

Признавши «moral insanity», мы тѣмъ самымъ устраняемъ отъ себя трудный вопросъ о силѣ и слабости воли Грознаго. Воля — первое, что атрофируется при самыхъ разнообразныхъ формахъ душевнаго разстройства. Она необходимо слаба, хотя бы и являлась «необузданной». Аксаковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что необузданная воля и отсутствіе воли — то же самое, и различіе между первой и второй половиной царствованія Грознаго сводится къ различію между Сильвестромъ и Малютой Скуратовымъ.

Переходимъ теперь къ вопросу о государственномъ значеніи царствованія Грознаго. Его внѣшней политикѣ нельзя отказать въ ширинѣ размаха и блескѣ замысловъ. Но я отказываюсь видѣть въ дѣятельности Грознаго программу Петра Великаго, о чемъ мнѣ пришлось уже говорить раньше. Главнымъ мотивомъ было честолюбіе, заставлявшее Грознаго добиваться польскаго престола, — честолюбіе, которому льстили побѣды и связанное съ ними униженіе враговъ. Грозный хотѣлъ играть роль въ Европѣ, хотѣлъ, чтобы его признали великимъ и славнымъ, но о томъ, чтобы обновить Русь черезъ сближеніе съ Западомъ, онъ не думалъ. Такъ-же мало онъ былъ демократомъ. Въ его царствованіе крѣпостное право сдѣлало грандіозные успѣхи, а всѣ демократическія мѣры принадлежатъ тринадцатилѣтнему періоду его правленія, когда Сильвестръ и Адашевъ значили все, а самъ Грозный ничего не значилъ. Даже въ борьбѣ съ боярствомъ, въ своемъ стремленіи къ всеобщему нивеллированію онъ не добился успѣховъ. Послѣ его смерти боярство подняло голову и даже выше, чѣмъ до него. Конечно завоеваніе Казани, изданіе «Судебника», присоединеніе Сибири — навсегда останутся блестящими страницами русской исторіи, но Грозный повиненъ въ нихъ какъ Царь, именемъ котораго все совершалось, а не какъ геній, котораго мы можемъ восхвалять за прозорливость. Чтобы ни говорили намъ о блескѣ его правленія, мы никогда не должны забывать о главномъ результатѣ его. Этотъ результатъ — развращеніе народа.

Я согласенъ съ тѣмъ, что Іоаннъ IV — центральная фигура русской жизни XVI вѣка и вровень ему не идетъ ни нѣголюбивый отецъ его Василій III, ни малодушный сынъ Ѳеодоръ, съ особеннымъ усердіемъ исполнявшій пономарскія обязанности, во всемъ остальномъ положившись на Годунова. Царствованіе Грознаго — это буря,

пронесшаяся надъ русской землей съ громомъ и молніей, но буря не освѣжающая, не такая, послѣ которой долженъ начаться расцвѣтъ новой жизни,—а губительная, закончившаяся тяжелой эпохой смутнаго времени. Личность царя и его эпоха исполнены драматизма, знакомясь съ которымъ нельзя не чувствовать невольнаго трепета. Прежніе русскіе люди смотрѣли на невиданныя и неслыханныя до той поры казни и жестокости, совершавшіяся то въ глухихъ застѣнкахъ, то открыто передъ всей землей, какъ на испытаніе, посланное Богомъ за ихъ грѣхи. Русь это испытаніе вынесла, но вышла изъ него не мощной и сильной, а развращенной въ самомъ сердцѣ своемъ. Ужасы монгольскаго ига, выработавшіе въ русскомъ характерѣ такую приниженность, забитость, привычку пассивно отражать всѣ бѣды,—были доведены Грознымъ до крайности. Умирая, онъ могъ гордиться, что добился-таки своего. Все молчало, все несло на себѣ лицемѣрную или искреннюю маску смиренія, все напоминало собою «пустыню духовную», гдѣ не смѣло раздаться горячее, честное слово, не смѣло проявиться горячее, честное чувство. Но за этой покорностью таились дурныя страсти: пшеница была вырвана, остались плевелы. И эти-то дурныя страсти, выработанныя въ школѣ Грознаго, открыто проявились въ ту эпоху, когда тушинскіе и иные воры разорили Русь. Какъ государь, Грозный совершилъ величайшее преступленіе: онъ развратилъ народъ, уничтожая въ немъ все выдающееся, героическое, славное.

Популярно-научныя книги.

Философ'я Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *Н. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.

Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединчена.* Ц. 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмединчена.* Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигули.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эндама.* Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Предсказаніе погоды. *Г. Даллс.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *Н. Вавилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц. 40 к.

Записки желудка. Перев. съ 10 англ. изд. Ц. 50 к.

Физіологія души. *А. Герцена.* Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера и Присса.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы. *Геньо.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколевъ.* Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Частная медицинская діагностика. Руководство для практ. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста.* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Воздушное садоводство *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима.* Пер. *Н. Корфъ.* Ц. 75 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. 40 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к.; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Даллс.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 января 1893 года.